

A young man with dark, wavy hair and a serious expression stands in the center of the frame. He is wearing a dark, heavy, double-breasted coat with a large fur collar and a dark scarf. The background is a snowy landscape with a large, ornate building featuring a prominent dome and classical columns. The scene is set during sunset or sunrise, with a warm, golden glow on the building and a soft, hazy sky. Snowflakes are visible in the air, suggesting a winter setting. The overall mood is dramatic and historical.

Никита Семин
СЫН ПОМЕЩИКА 12

Никита Семин

Сын помещика 12

<https://litres.ru/74368563>

SelfPub; 2026

Аннотация

Роман почти добрался до столицы и уже находится в Москве. Хоть путь и был долгим, но самое сложное еще впереди. Ему и Анастасии с Анной предстоит пройти испытание высшим светом. Примут ли их? Или посчитают выскочками и затравят? Это будет во многом зависеть уже не только от Романа, но и воли случая... как часто и бывает при общении с сильными мира сего.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	40
Глава 4	58
Глава 5	77
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Никита Семин

Сын помещика 12

Глава 1

1 декабря 1859 года

Москва

— Какой большой город! — заворуженно протянула Настя, выглядывая из окна кареты.

Мы десять минут назад въехали в Москву и до сих пор двигались по ее улицам, направляясь по только Георгию Витальевичу известному адресу. На мой взгляд Москва не сильно отличалась от уже виденных нами Воронежа или Рязани. Все та же двухэтажная преимущественно застройка. Много деревянных домов, хотя и каменных конечно хватает. Да, мощеных улиц здесь больше, но только из-за величины самого города. А так — будто я до сих пор в каком-то провинциальном городе России еду. Нет хрущевских пятиэтажек и тем более небоскребов. Общественный транспорт представлен местными экипажами. Никаких трамваев нет и в помине, как и рельсы на дорогах я нигде не видел. Слышал как-то, что до появления трамваев в качестве движущей силы коней использовали, а сами «вагоны» уже были поставлены на рельсы — но и этого не наблюдалось сейчас.

Кстати, может тогда предложить эту идею*?

* — первая конка в Москве появилась в 1872 году

Увиденным я был слегка разочарован. Ожидал чего-то большего от будущей столицы. Но мою невесту понять можно — сами размеры города действительно были в разы больше, чем все, что она видела раньше. Аня от нее не отставала, только выражала свое удивление более сдержанно.

До гостиницы, где мы остановимся на пару дней, мы добрались только спустя полчаса, как пересекли границу Москвы. И это мы еще до центра не доехали.

На два дня Артюхов решил задержать караван в Москве не из-за того, чтобы дать отдых лошадям, как это раньше делали в городах. Дальше-то мы по железной дороге поедem, поэтому большинство дилижансов и карет тут и останутся. Нет, причина была в ином — решить вопрос нашей поездки на паровозе. И главная проблема оказалась во мне. Я-то карету в Москве оставлять не собирался, и придется искать грузовой вагон для ее перевозки. Но и найти обычные пассажирские вагоны на нашу толпу — тоже дело непростое. И сами паровозы ходят между Москвой и столицей не так уж и часто. Вот для решения всех этих проблем Георгию Витальевичу и нужно было время. Не удивлюсь, если нам придется пробыть в Москве даже дольше двух суток. Пусть Николай Карлович и серьезная фигура, но здесь не провинция — лю-

дей и поважнее нашего адмирала хватает. Поэтому и ходить перед ним «на цыпочках» никто из местных чиновников не будет. Хотя и отмахиваться и не идти навстречу тоже вряд ли найдется желающий.

Сама гостиница оказалась четырехэтажным зданием новой постройки — с меблированными комнатами и даже баней во внутреннем дворе. Называлась она «Славянская». На первом этаже гостиницы также был ресторан — это сразу мне напомнило гостиницы будущего. Я бы дал этому заведению три звезды, если ориентироваться на оценку из моей прошлой жизни. Хотя по местным меркам она считалась довольно статусным местом, хотя и не самым популярным.

Нам досталась комната на последнем этаже, чему мои дамы оказались безумно рады.

— Вид отсюда просто великолепный! — выдохнула Аня, посмотрев в окно.

Там была площадь, по которой сновали люди, ездили кареты и телеги, кипела жизнь. Да и с высоты четвертого этажа все выглядело немного по-другому — не так, как на первом или даже втором. Я вспомнил, как смотришь на людей внизу с более высоких этажей. Да, вид меняется. Все кажется меньше и сливаются в безликую массу.

— И небо тут словно ближе, — улыбнулась Настя, тоже подходя к окну.

Ну, тут она преувеличивает. Хотя ее можно понять. Самый большой этаж, который есть в Царицыне — третий. И потолки там не такие высокие, как здесь. От чего и общая высота зданий ниже. А вот я думал о другом — что вечером

после прогулки подниматься пешком на четвертый этаж будет тяжело. Лифтов-то нет. И мысленно радовался, что здесь только четыре, а не большее количество этажей.

Пока Тихон заносил вещи и расставлял наши сундуки, я сидел у окна и смотрел на площадь. Народу там прибавилось — или мне только казалось, что прибавилось. Вот торговец с лотком остановился у фонтана, двое военных прошли через площадь, не задерживаясь, извозчик на козлах привстал и что-то крикнул в спину уходящей барышне. Жизнь внизу шла своим чередом. Для местных наше прибытие прошло незаметно, в отличие от более малых городов.

Настя с Аней уже устроились на диване и о чём-то тихо переговаривались. Голоса у них были мягкие, домашние — словно они вновь очутились в своей квартире в Царицыне.

Я подумал, что надо бы выяснить у Артюхова, как продвигаются дела с вагоном. Два дня — это если всё пойдёт гладко. А гладко в России шло редко.

Утром следующего дня, когда Тихон принёс горячий чай и сообщил, что на улице подмораживает, я уже смотрел на записку, которую доставил посыльный.

Краббе писал коротко и по делу: вечером ожидается прием у графа Строганова. Мне необходимо явиться заблаговременно с трупой для репетиции. В конце был упомянут адрес графа, время и больше никаких лишних слов. Военная привычка.

Я отложил записку, допил чай и решил, что до обеда мы всё успеем. Репетиция репетицией, но Настя со вчерашнего вечера не переставала говорить о Москве — то про лавки на соседней улице, то про церковные купола, которые она разглядела из окна. Грех было не воспользоваться свободными часами.

— Собирайтесь, — сказал я, — пойдём смотреть город.

Аня подняла голову от книги и коротко улыбнулась. А Настя, радостно взвизгнув, уже тянулась за своим пальто.

Но сразу мы никуда не пошли. Куда же без завтрака? И в итоге мы вышли около десяти часов. Что по меркам высшего света — довольно рано, особенно для таких крупных городов, как Москва или Петербург. Но для меня — это уже весьма позднее утро.

Морозец был необременительный — щипал щёки, но не гнал обратно в тепло. Под ногами поскрипывал тонкий лёд, вчерашние колеи замёрзли и теперь торчали из земли острыми гребнями.

Настя сразу же потянула нас к церкви, купола которой она высматривала накануне из окна. Церковь оказалась небольшой, с облупившейся штукатуркой на боковом фасаде, зато внутри пахло воском, и было тихо — только потрескивали свечи у иконостаса. В этот будний день здесь пока было немногочисленно, что меня радовало. Аня перекрестилась у порога, а Настя почти сразу прошла внутрь и задержалась лишь перед образом Богородицы. Я ничего интересного здесь для

себя не углядел. Так, перекрестился для порядка, прочел молитву перед иконами, да и вышел на крыльцо ждать своих дам.

Улица напротив оказалась торговой. Лавки стояли вплотную — мясная, суконная, книжный развал почти прямо под открытым небом. Я остановился у книг и с интересом полистал несколько томов. Помня, как меня успели удивить местные писатели, надеялся найти еще что-то, что зацепит мой взгляд. Но передо мной в основном лежали молитвенники, сборники стихов и парочка книг на иностранном языке.

Через несколько минут девушки покинули церковь и присоединились ко мне. Настя тут же застряла у суконщика и уже разворачивала какую-то ткань. Аня стояла рядом и негромко комментировала каждый отрез, но так, что я ее слова расслышать не мог. Однако уже через четверть часа, когда я изрядно продрог, девушки приняли решение и подошли ко мне с просьбой купить им ткани.

— Мы хотим провести опыты, — с хитринкой в глазах заявила Настя.

— Это какие же?

— Сами сошьем платье по твоему эскизу, который ты нам нарисуешь, — с невинным выражением на лице поддержала сестру Аня. — Надо же нам в чем-то будет выступать?

Я немного ошалел от такой наглости. Но с другой стороны — дамы будут хотя бы заняты, пока я репетировать с трупой буду, и не должны найти себе приключений. Не сидеть

же им без дела в номере? А отпускать одних в большой город я их пока опасаясь — у девушек на лице написано, что они приезжие провинциалки, хоть и барышни. Их и обворовать могут, и какой-нибудь мошенник подойдет, заговорит и во что-нибудь втянет обманом. Замечал уже взгляды некоторых подозрительных личностей, пока мы гуляли.

— Хорошо. Тогда прямо сейчас отправимся обратно.

Настя с Аней уже загорелись своей идеей, поэтому спорить не стали. Да и сами подмерзнуть успели.

Когда мы вернулись в гостиницу, время до поездки в дом Строганова у меня еще оставалось. Вот я и накидал девушкам на скорую руку целых три эскиза платьев. Постарался сильно не уходить от местной моды — раз уж они решили сшить себе платья именно для выступлений, то сильно эпатировать публику не стоит. Заключают. А это не наше «боло-то» — местные дамочки остры на язык и практики очернения конкуренток в глазах окружающих у них много. Как в Москве, так и в Петербурге. К слову, музыку для их песни я с труппой тоже начал потихоньку репетировать, но уже по остаточному принципу — чтобы мои музыканты чуть отвлекались от основного нашего репертуара и тем самым «разгружали мозги».

А пообедав в местном ресторане, я наконец направился по указанному в записке Краббе адресу. Посмотрим, что там за дом у графа, да и с ним самим будет интересно познакомиться. Как я узнал от полового в гостинице — Сергей Гри-

горьевич Строганов до недавнего времени занимал пост генерал-губернатора города. И лишь осенью его сменил некто Тучков Павел Алексеевич. Что-то многих губернаторов в этом году наш государь поменял — не иначе в связи с предстоящей крестьянской реформой. Ну да это сейчас не мое дело, главное — снова не опозориться с выступлением.

Поместье Уваровых

Кристина была вся на нервах. Сегодня должен приехать Василий Губин и впервые — именно к ней, а не к отцу. Потенциальный жених, если общение с женщиной ей понравится. В чем она сомневалась, но меньше нервничать из-за своего скепсиса не переставала.

Капитан-исправник прибыл почти точно в срок. И на этот раз не в своей форме, а в гражданском платье.

Сразу с Кристиной он общаться не стал. Поздоровался только, после чего сел в зале с ее отцом, и они беседовали о приближающемся Рождестве, планах на праздник, о скором дворянском собрании, на котором должны выбрать нового главу. Да и срок службы у Губина подходил к концу — его тоже ждут перевыборы, которые он может и проиграть. В прошлый-то раз лишь поддержка князя Белова позволила ему обойти своего нынешнего помощника Малышева. Кристина участия в этой беседе почти не принимала, хоть и сидела рядом. Зато внимательно следила за тем, как говорит Василий Емельянович, как себя держит, какие остроты поз-

воляет себе отпускать... Вроде все это она и раньше видела, но сейчас оценивала мужчину не как постороннего человека, а как возможного мужа. И Губин стал открываться ей с новой стороны. Он не выглядел наивным и восторженным, что ожидаемо — все-таки не мальчик, да и должность у него ответственная. Как не было в нем некоей беззаботности, что присутствовала в его тезке — Большедубовом. Однако... Губин все равно будто Кристине кого-то напоминал.

«Он держит себя почти как Роман!» — вдруг пронзила девушку мысль. И стоило ей так подумать, как она стала невольно сравнивать Василия Емельяновича с Винокуровым. Оба ощущались серьезными людьми, у которых есть четкая цель и планы на будущее. Не эфемерные, а с датами и конкретными шагами по их воплощению. Оба разговаривали с отцом Кристины практически на равных — не обращая внимания на возраст Леонида Валерьевича. А ведь тот же Василий Большедубов держал некую границу, ставя себя в позицию младшего перед старшим. И чем больше Кристина находила в Губине схожести с Романом, тем сильнее он ей начинал нравиться.

«Я вот поторопилась давить на Романа с поездкой в Петербург, и сейчас локти кусаю. Если начну и на Василия Емельяновича давить, то он тоже от меня сбежит. А ведь у него-то перспективы туда попасть тоже имеются! Если его переизберут в капитаны-исправники, то на службе его приметят. А там и повышение возможно. Или с Романом их свести, по-

мочь им преодолеть последние разногласия, так тогда Роман его за собой потянет».

Кристина сама не заметила, как в мыслях уже видела Губина генералом полиции, а сами они живут в столице. Очнулась только тогда, когда Леонид Валерьевич прямо к ней обратился.

— Кристина, что-то ты притихла. Не заболела ли?

На губах у мужчины блуждала усмешка, заметная только близким. Он прекрасно понял направление мыслей собственной дочери, хоть и без подробностей. Но видел — она уже не настроена категорично против свадьбы с Губиным.

— Нет, папа, просто задумалась, — улыбнулась девушка. И тут же переключилась на капитана. — Василий Емельянович, а как вы оцениваете свои шансы на повторное избрание в текущей должности?

— Все зависит от количества людей, готовых меня поддерживать. Их немало, но хватает и тех, кому больше по душе на месте капитана мой помощник.

— То есть, шансы есть? — тут же уцепилась за самое важное для себя девушка.

— Безусловно. Шансы есть всегда, — усмехнулся Губин.

— Тогда давайте пофантазируем, а как мы могли бы вам помочь их увеличить? Небольшая разминка для ума. Что скажете?

— Ну, не буду вам мешать упражняться, — решил на этой ноте оставить молодых наедине Леонид Валерьевич.

И с его уходом Кристина плотно надела на Губина, попутно продолжая сравнивать его с Винокуровым. Как бы Роман ответил на его месте? Какой выход бы нашел? Она сама не понимала, зачем это продолжает делать, но не могла остановиться, не осознавая, что парень стал для нее и авторитетом и образцом потенциально идеального жениха.

Царицын. Дом Михайлова

Борис Романович сидел в своем кабинете, и впервые за последние дни на сердце у него было спокойно. Да, дочь в итоге разводится, но без урона для чести — своей и их рода. Да и этот бывший теперь зять Николай не стал дожидаться, пока Борис его додавит. Сам вещи собрал и спешно покинул город. Даже не стал ожидать раздела имущества, оформив доверенность на стряпчего. Но тут ему все равно много не светит. Уж Борис Романович постарается, чтобы Перов ответил за всю ту клевету и доставленные хлопоты, что он устроил в последние дни.

— Господин, к вам архитектор Невеселов, — доложил лакей.

— Зови, — махнул рукой мужчина.

Чуть подумал и решил сам выйти и встретить Антона Антоновича в гостевом зале.

Уже по внешнему виду архитектора Борис Романович понял, что в жизни Михайловых наступила белая полоса. Невеселов шел с широкой улыбкой, в руках держал кожаный ту-

бус и явно хотел чем-то порадовать. Так оно и оказалось.

— Борис Романович, я завершил проект массажного салона! — торжественно заявил архитектор, когда они поздоровались и прошли в кабинет. — Ваши пожелания были учтены. Готов показать итог.

— Не томите, — благосклонно кивнул Михайлов.

И в следующий час Невеселов подробно рассказывал и показывал на чертежах, как будет выглядеть комплекс зданий будущего салона и с чего лучше начать строительство.

— Вы меня весьма порадовали, Антон Антонович, — заметил мужчина, когда представление проекта было завершено.

— Польщен-с, — потупился архитектор. — Значит, я могу рассчитывать на окончательный расчет?

— Непременно.

Уточнив, сколько Невеселову остался должен Роман Винокуров, Борис Романович расплатился с архитектором и уже хотел проводить его, когда тот задал еще один вопрос:

— Прошу меня простить, если вмешиваюсь не в свое дело, а когда вы планируете показать проект господину Винокурову?

— Сам Роман в отъезде, да вы о том знаете. Но вот с его тетушкой я наверное встречусь в самое ближайшее время. А с чего такой интерес?

— Просто господин Винокуров сделал у меня заказ еще на один проект. Он гораздо проще и мне в работе помогал сын,

а потому он уже готов. Вот и думаю — в какой день съездить в поместье Винокуровых. Роман Сергеевич упоминал, что я могу отдать этот проект его отцу.

— Напрашиваетесь в попутчики? — хохотнул Борис Романович. Невеселов потупил взгляд, не отрицая его слов. — Ладно, настроение у меня хорошее. И впрямь порадовали. Как двинусь в Дубовку, я дам вам знать.

— Премного благодарен, — облегченно и с улыбкой кивнул мужчина.

На подобный ответ он и рассчитывал, увидев реакцию Михайлова. Проводив архитектора до двери, Борис Романович вернулся в свое кресло и с удовольствием стал вновь рассматривать чертежи.

— Определенно началась белая полоса. Да-с, — покивал он сам себе. — За такое не грех и выпить.

Поместье Воробьевых

— Господин, как мы рады вас видеть! — глубоко кланялся перед Виктором Семеновичем старший лакей поместья, Ерофей.

— Где Дашка? — мрачно первым делом спросил Воробьев. — Почему она меня не встречает?

— Госпожа убыла в город и готовится к свадьбе, — угодливо тут же доложил лакей.

— ЧЕГО?! Да ты никак шутить изволил? — не поверил своим ушам пожилой мужчина, почти старик.

— Как можно, господин? — испуганно затараторил слуга.

— Истину вам говорю! За молодого Зубова Дарья Мстиславовна собирается.

— Мужа только схоронила, даже траур не выдержала — и под венец? А куда батюшка Онуфрий смотрит?!

— Почил батюшка уж года три как. А новый — батюшка Силантий — куда более благосклонен к Дарье Мстиславовне. И осуждению ее не придал, а даже благословил.

— Ишь чего удумал! Да я в епархию про его проказы напишу — живо с поста слетит, — метал молнии от злости Виктор Семенович. — Чаю носи. И говори — а уж не помогла ли Дашка моему брату преставиться? Чтобы ее новому счастью не мешал?

— Того не ведаю, господин, — скороговоркой ответил Ерофей, не забыв кликнуть служанку и отдать той приказ нести чай. — Простите, запамятовал, но ведь у нас тут стряпчий живет. Константин Евгеньевич Плужников. Сейчас он по деревням смотр проводит.

— Какой еще смотр? — нахмурился Воробьев. — Гнать его в шею!

— Он нанят Дарьей Мстиславовной — для описи положенного ей, как вдове, имущества, — тут же доложил лакей.

— Юрий еще остыть не успел, а она ободрать наш род хочет? Ну погоди, Дашка, шиш тебе, а не наследство, — погрозил в пустоту кулаком Виктор Семенович. — Вовремя я добрался. Как чуял — гнал лошадей, как мог, чтобы поско-

рее здесь очутиться. Сказывай, чего она еще натворила. Да все припоминай, а то... — Воробьев не договорил, зато его взгляд был красноречивее любых слов.

И Ерофей стал во всех подробностях рассказывать, как жили в последние годы господин с госпожой, да какие слухи ходили про молодую вдову. И с каждым услышанным словом Виктор Семенович мрачнел все больше.

Глава 2

1 декабря 1859 года

Москва. Особняк графа Строганова

Выйдя из кареты, я с интересом посмотрел на здание, в котором мне и моей труппе предстояло репетировать и выступать. Каменное, двухэтажное, вытянутое вдоль улицы. По бокам от него стояли хозяйственные постройки, еще больше подчеркивая парадный вид особняка Сергея Григорьевича. А напротив здания раскинулся парк с прудом, сейчас уже покрывшимся тонкой коркой льда. Но сомневаюсь, что можно уже устраивать на нем катание на коньках. Вот недели через две, если ударят сильные морозы — вполне.

На входе меня встретил пожилой лакей с весьма интересным вопросом:

— Здравствуйте. Вы записаться в школу пришли? Или по иному вопросу?

— У меня приглашение на репетицию и последующее выступление на приеме.

— Тогда прошу за мной, — кивнул спокойно лакей, которого так и хотелось назвать «дворецким». Уж больно у него был характерный вид и повадки. Одет в строгий костюм, спина прямая, глаза смотрят с внутренним достоинством — никакого желания угодить высокородному, лишь холодная вежливость.

— А что за школа? — не удержался я от вопроса, пока мы шли по коридорам.

— Сергей Григорьевич пятнадцать лет назад выделил в доме комнаты под размещение открытой им школы рисования, искусств и ремесел, — спокойно ответил лакей. — Но самой школе уже больше тридцати лет.

— Школа рисования? — неподдельно заинтересовался я. — Было бы интересно взглянуть. Я ведь и сам художник. Рисую портреты и написал одно батальное полотно. Его даже в военном сборнике опубликовали недавно.

— Я передам Сергею Григорьевичу ваше пожелание, — ответил слуга.

Что примечательно — графа он называл подчеркнуто по имени-отчеству, а не «господин» или «барин», или «его сиятельство». Не удивлюсь, что этот лакей знает Строганова с пеленок и вместе с ним рос — возраст у них примерно одинаковый должен быть, если судить по внешнему виду лакея.

Для репетиции нам выделили комнату на втором этаже. Одна из гостевых, не особо большая, но наша труппа вполне вместилась. Почти все уже были на месте, только Григорий Лукьянович задерживался. Самого графа я пока не увидел. И это не из-за его высокомерия — просто его не было в доме.

Пока ждали Тишкова, решили прогнать обе песни, что готовим к исполнению, без него. Что тут сказать? Звучание без контрабаса меняется и довольно сильно. Это и остальные члены группы прочувствовали.

— Извиняюсь, не очень хорошо чувствую себя с утра, — сказал Тишков, когда появился в комнате для репетиций.

Лицо у него было слегка красным, а сам он был более угрюмым, чем раньше. Неужто заболел? Перегаром от него вроде не пахнет. С этим вопросом меня опередил Ульян Игоревич.

— Григорий Лукьянович, да вы никак не здоровы? Вам бы полежать тогда.

— И подвести вас? — вскинул бровь Тишков. — Благодарю, но я уж сам решу — хватит моих сил для выступления или нет.

Я молча подошел и протянул руку, чтобы потрогать его лоб — замерить таким образом у него температуру. Мужчина отшатнулся от меня рефлекторно, но все же я успел его коснуться.

— У вас жар, — вздохнул я. — Да, выступить вы сможете, но без лечения болезнь может усугубиться.

— И что вы предлагаете? — сварливо спросил он. — Отказаться от выступления?!

Как бы я не относился к Тишкову, но зла ему не желал. Он честно выполнял свои обязательства, не подставлял ни меня, ни труппу, а заносчивость можно и простить — мне с ним детей не крестить в конце концов.

— До начала выступления еще три часа, — задумчиво протянул я. — Можно попробовать один трюк, который на время снимет у вас жар. Только потребуется помощь его си-

ательства.

— Что ты задумал? — хмуро спросил Григорий Лукьянович, но я его уже не слушал.

Слуга Строганова находился неподалеку. Не давешний дворецкий, а другой — рангом пониже, из простых половых. Его-то я и отправил найти мне или самого графа или человека, который может распоряжаться в особняке. Через пять минут пришел тот самый «дворецкий».

— Мне нужна вода, побольше, простыня и чистое сменное белье для этого господина, — указал я на Тишкова. — А также плед. Лучше — два.

Также я попросил чая с медом и малиновым вареньем.

— Сейчас вам все принесут, — коротко ответил лакей.

— Что ты задумал? У нас договор о моей помощи в выступлениях, и больше ни о чем, — фыркнул Тишков, когда слуга удалился.

— Вы нужны нам здоровым, — спокойно ответил я. — Согласитесь, будет прискорбно, если в самый ответственный момент вы лишитесь сознания из-за своего состояния.

Григорий Лукьянович поджал губы, но спорить больше не стал. Вскоре слуги Строганова принесли все необходимое.

— Раздевайтесь, будем обтирать вас.

— Еще чего! — вскинулся Тишков.

— Выйдите все, — посмотрел я на остальных членов труппы, предполагая, что мужчина просто их стесняется. Мужики спорить не стали, да и Ульянов Игоревич решил по-

следовать моему приказу. И когда мы с Тишковым остались одни, я повторил свое указание ему.

— Ты не доктор, — процедил контрабасист.

— А времени его звать нет, — спокойно парировать я. — Нам нужно хоть немного сбить ваш жар. Обтирания водой охлаждают тело и помогают этому. От жара вы потеете и нужно восполнить воду в вашем теле. Для этого и нужен чай. Малина и мед сами по себе чрезвычайно полезны. Все вместе позволит вам продержаться вечер, а потом вызывайте доктора. Вы правы — без его помощи можно запустить болезнь и она даже к смерти может привести.

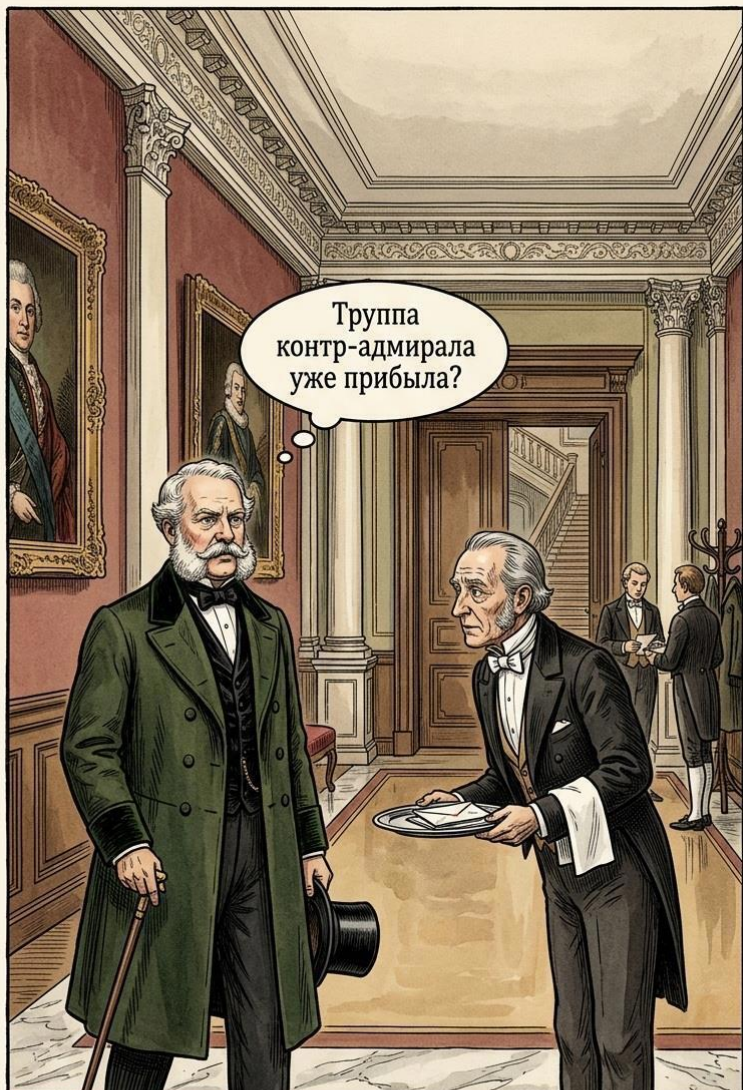
Скривившись, Григорий Лукьянович попросил меня вернуться. Все-таки говорил я уверенно и логично. Может, он и раньше о подобных мерах знал или слышал, и потому больше спорить не стал.

С попытками хоть немного сбить Тишкову температуру мы провозились почти полтора часа. Но зато он хоть немного лучше себя стал чувствовать. Думаю, на полградуса мы ему температуру сбили, что уже неплохо. А там все-таки приступили к репетиции. И как раз в этот момент к нам в комнату зашел хозяин особняка — граф Сергей Григорьевич Строганов собственной персоной.

Сергей Григорьевич Строганов вернулся в свой особняк после разговора с преподавателями Московского университета, что было обыденным для него делом. Мужчина в це-

лом старался повысить уровень образования и культуры в любимом городе. Долгое время он даже состоял попечителем Московского учебного округа и на этом посту сумел переманить в город многих известных профессоров и ученых. Из-за своей страсти к просветительской деятельности он и не остался на посту губернатора, хотя государь и предлагал продлить его полномочия. Изначально-то Сергей Григорьевич сменил в апреле прошлого губернатора временно. Уж больно круто взялся Арсений Андреевич бороться со взяточничеством среди местных чиновников. Так, что поток жалоб на него лился чуть ли не с первых дней становления на пост. Но раньше это игнорировали — все-таки генерал Закревский был ставленником Николая Первого. И того все устраивало в работе Арсения Андреевича. Но как к власти пришел Александр Второй, так у московских чиновников и появилась новая надежда. В отличие от отца новый император слыл куда более мягким человеком. Вот и добились в Москве отставки Арсения Андреевича досрочно. И так как уже в этом году ожидался приказ о назначении новых генерал-губернаторов, «на Москву» временно и поставили Строганова, чему сам граф был не особо рад. И при первой возможности отдал место иному царедворцу.

— Труппа контр-адмирала уже прибыла для репетиции? — спросил мужчина у лакея.

Труппа
контр-адмирала
уже прибыла?

— Да, Сергей Григорьевич, — с достоинством и уважением ответил слуга.

— Проводи меня к ним, Ефим.

Посмотреть на труппу, которую откуда-то из глуши вез за собой Краббе, графу было очень интересно. Сам факт, что Николай Карлович пошел на такой поступок, вызывал не малое удивление у знающих адмирала людей. И пройти мимо Сергей Григорьевич просто не мог. Потому и предложил свой дом в качестве места выступления, когда адъютант Краббе стал опрашивать известных покровителей искусства в Москве о подобной возможности.

— Глава труппы просил показать ему вашу школу рисования, — сообщил по пути лакей. — Сказал, что сам является художником-портретистом и заявил, что одно его полотно опубликовано в «Военном сборнике».

— Очень интересно, — покрутил головой Строганов. — Я всегда иду навстречу молодым дарованиям. Кстати, а сколько ему лет?

— На вид — юноша не старше двадцати. Может даже меньше.

— Тем более, — кивнул граф.

Ефим промолчал, но главное услышал — юноше дан «зеленый свет» на посещение школы и даже возможное обучение в ней, если тот захочет.

— Один из артистов болен, — счел нужным добавить слу-

га. — Контрабасист.

— Сильно? — напрягся Строганов.

— Хворь осенняя, как я могу судить. Но нужен врач для постановки диагноза.

— Ты его уже вызвал?

— Отправил Игната узнать, кто из докторов свободен этим вечером. Сам заболевший утверждает, что сможет выступить даже в таком состоянии.

— Скажи, чтобы особо к гостям не лез и держался за спиной остальной труппы, — приказал Сергей Григорьевич.

Ефим молча кивнул, приняв распоряжение. Тут они и до комнаты дошли, из-за которой раздавались звуки оркестра. Дивного, с большим количеством барабанов, но именно на малый оркестр для слуха Строганова и была похожа их игра. И тем сильнее было его удивление, когда он увидел всего лишь шесть человек в комнате.

— Здравствуйте, — кивнул с улыбкой Сергей Григорьевич обернувшимся на звук открывшейся двери музыкантам.

— Не помешаю?

— Здравствуйте, — ответил за всех молодой юноша. — Мы бы хотели репетировать в одиночестве. Первое прослушивание очень важно, и не хотелось бы портить вам впечатление репетицией, где не все получается складно.

Строганова немного удивил такой ответ, а главное — твердый голос парня, в котором не было страха отказать хозяину дома.

«Или он не понимает, кто я?» — мелькнула у графа мысль.

— И все же я бы хотел послушать, что вы представите моим гостям, — сказал Сергей Григорьевич.

Вот теперь у труппы никаких сомнений быть не должно в его личности.

— Ваше право, — чуть поморщившись, пожал плечами юноша. — Но вы сами себе удовольствие портите.

Строганов хмыкнул от подобного заявления, но все же сел на стул у стены. И вскоре убедился, что первое впечатление — будто он слышит малый оркестр — оказалось обманчивым. Ничего подобного, что исполняла труппа, мужчина никогда ранее не слышал. Даже стало понятно, чем музыканты зацепили контр-адмирала.

Всю репетицию граф сидеть не стал. Уделил только десять минут своего времени, после чего все же покинул артистов. Общее впечатление о них он успел получить, а так юноша прав — сейчас удовольствия такого не будет, как вечером, когда труппа выступит перед гостями.

— Как этого молодого человека зовут? — уточнил Строганов у лакея, когда они покинули комнату.

— Роман Сергеевич Винокуров, — тут же отозвался Ефим.

Покивав, мужчина углубился в собственные мысли. Парень его определенно заинтересовал. Музыка у его труппы очень необычная, это точно. Еще говорит, что и художник.

Надо бы проверить его слова. Раз в военном сборнике его полотно опубликовали, то надо глянуть — что он там такое написал кистью.

— Ефим, распорядись, чтобы мне новый том «военного сборника» принесли, — не откладывая, тут же приказал Сергей Григорьевич лакею и снова вернулся к мыслям о юноше.

«В таком молодом возрасте уже столько талантов... надо спросить у Николая Карловича — собирается ли он брать юношу себе под крыло, или лишь для разового выступления с собой везет. Если второе, то можно предложить этому Роману в Москву перебраться. Уж устроить ему поступление в университет, чтобы раскрыть его дар, мне по силам».

Но торопиться с этим Сергей Григорьевич пока не стал. Надо еще посмотреть, как труппа вечером выступит. И как сам себя юноша будет вести перед светом. У любого таланта вместе с даром еще и непростой характер идет. И чем сильнее выражена склонность к искусству, тем сложнее с таким человеком работать. Иногда — даже просто общаться. Вот эту сторону юноши высший свет и «проверит» на приеме.

— Мне почему-то так волнительно, — делилась Анастасия своими чувствами с сестрой, когда их экипаж подъехал к дому графа Строганова.

— Почему же? Мы не впервые выходим в свет, — заметила Анна.

— Просто... ты ведь сама видишь, тут город больше. Раньше, до первого императора, и вовсе нашей столицей был. Как к нам отнесутся? И Роман тоже предупреждал, чтобы мы вели себя соответственно.

— Успокойся, — одернула ее Анна. — Все будет хорошо.

Платья сестры себя сшить успели и считали, что они получились у них довольно хорошо. Уж точно будут выделяться на фоне остальных дворянок — ведь им сам Роман фасон нарисовал. Юбок на платье было всего две, зато спереди имелся небольшой разрез, позволяющий при каждом шаге показать свою ножку. Что дополнительно уберегало от конфуза наступить на подол — ведь платье было в пол. Вторая юбка платья была короче первой, прилегающей к телу, и собиралась складками, придавая попе пышность. Рукава короткие — от предплечья до локтя, а само плечо оголено. В груди платье тесновато, зато из-за размера позволяло подчеркнуть высокую и упругую грудь. Собранные и поднятые волосы оголяли шеи девушек, делая их еще притягательнее для мужских взглядов. Аня думала, что их наряд начнет привлекать внимание прямо с порога, но ее ожидания не оправдались. Встретивший их на входе лакей и бровью не повел. Да и когда они вошли в общий зал, где собирались приглашенные гости, мало кто обратил на них внимание. Так, бросили мимолетный взгляд, да вернулись к общению друг с другом. И далеко не сразу девушки поняли, что резануло их слух, пока подошедший хозяин особняка не поприветствовал их

на французском. Язык сестры знали и не ударили в грязь лицом, ответив на том же языке представившемуся графом Строгановым мужчине. Правда их произношение было гораздо хуже, чем у его сиятельства. Что тот заметил и решил перейти на русский.

— Прошу, располагайтесь, — повел рукой Сергей Григорьевич.

— Благодарим, — с улыбкой ответила за обеих Анна. И тут же поинтересовалась. — А вы не подскажите, где нам найти Романа Винокурова? Это наш друг и сегодня он будет выступать у вас со своей песней.

Просто девушка не увидела Романа, хотя его труппа стояла около дальней стены и ждала, когда хозяин вечера даст им отмашку.

— В последний раз видел его у окон, — учтиво отозвался Строганов.

Но на этом вынужден был откланяться — подошли следующие гости, которым требовалось уделить внимание.

Романа девушки нашли там, куда и указал Сергей Григорьевич. И к их удивлению он стоял в одиночестве, спиной к залу. Парень вглядывался в тьму за окном, будто пытался там что-то найти, скрестив при этом руки на груди. Настя издалека поняла, что Роман чем-то раздражен или даже больше — взбешен. Требовалось срочно узнать, что же случилось...

Я подозревал, что в Москве и Петербурге будет сложно, но не подозревал — насколько. Когда стало подходить время начала приема и к Строганову стали прибывать гости, я остановил репетицию. Труппе надо немного выдохнуть, а Григорию еще и отлежаться, чтобы его болезнь не сказалась фатальным образом на выступлении. Сам же я пошел в главный зал, желая завести полезные знакомства. И вот тут возникла серьезная, прямо непреодолимая проблема. Прибывающие аристократы разговаривали на французском языке! Но я-то его не знал!

Когда со мной поздоровались, я это понял, но ответить смог лишь на русском. Мои собеседники удивились, но сначала решили, что это просто чудачество... и стали задавать какие-то вопросы на том же французском. Вот на них-то я ответить уже не мог. Мужчина лет сорока, аристократ, понял это и лишь презрительно скривился. Переводить свой вопрос и продолжать общение он не пожелал, показательно повернувшись ко мне спиной.

Примерно такая же картина повторялась еще три раза, пока вновь прибывшие гости не стали в первую очередь сталкиваться с теми, кто со мной «пообщался» до этого. И первые мои «знакомцы» успевали просветить «новичков» о моем полном незнании иностранного языка. Из-за чего ко мне подходить перестали вовсе, посчитав или за слугу, или за какого-то мещанина. На меня косились с недоумением, брезгливостью и презрением. Ситуация слегка поменялась, когда

в зал стали заходить офицеры из свиты Краббе. Те вот со мной здороваться не стеснялись, но зато после этого прошла новая волна шепотков среди местных дворян. Их взгляды поменялись, а один так даже не поленился и подошел выразить свое «фи»:

— Мне сказали, что вы аристократ, — заявил напыщенный мужчина около тридцати лет. Шикарные усы, выровненные словно по линейке вдоль губ, чисто выбритый подбородок, короткая стрижка с пробором на одну сторону... Он показательно меня осмотрел с ног до головы, словно приценивался на рынке, после чего вынес вердикт, — не похож!

— Мне говорили, что здесь ожидается сбор русского дворянства, — ответил я в тон и показательно осмотрел зал. — Пока я вижу лишь русских офицеров и каких-то иностранцев, не понимающих нашего языка. Неужто Сергей Григорьевич позвал сегодня все французское посольство разом?

— Варвар! — зло фыркнул этот пижон и ушел.

Больше попыток со мной заговорить не было. Не желая смотреть на эти самодовольные рожи, я отвернулся к окну и посмотрел на улицу и парк через нее. Все лучше вид, чем внутри зала. Внутри меня все клокотало. Неудивительно, что этих людей через полвека начнут резать, как курей. Не только общаться между собой на чужом языке, но еще и считать своих соотечественников, не понимающих иностранный язык, за людей второго сорта или даже ниже... И демонстративно показывать свое отношение — это конечно

вызовет злость и ненависть.

Из мрачных мыслей меня вырвало осторожное касание за руку. С удивлением обернувшись — кто это такой наглый — я увидел свою Настю, которая с тревогой смотрела на меня.

— Роман, что случилось?

— Здесь совершенно не знают русский язык. Будто я не в России, а очутился где-то во Франции, при дворе Наполеона Бонапарта.

— Это международный язык, — пожала плечами моя невеста. — Признак просвещенности и принадлежности к высшему кругу.

— У меня иное впечатление, — покачал я головой.

Разговор перехватила Аня, предложив обсудить нашу готовность к выступлению. Я поделился переживаниями за Тишкова, а также посоветовал своим девушкам не приближаться к нему, чтобы не заразиться. Затем наш разговор попытались прервать. Сестры приковывали взгляд мужчин своим необычным нарядом. И пусть их платья были пошиты из относительно дешевого материала, на что смотрели больше дамы, а вот кавалеры — лишь на получившийся образ. Весьма притягательный. Вот и попытался один из гостей заговорить с Аней, показательно игнорируя меня. Да и Настю вниманием не обделил. Но те лишь мило улыбнулись и что-то ответили на французском, почти тут же перейдя на русский:

— Мы заняты, Иван Андреевич. И менять партнера на

вечер не собираемся, — сказала Аня.

Тот чему-то удивился на французском, заставив нахмуриться уже Настю.

— Не нужно оскорблять моего жениха, — сказала она. — Уж он всяко достойнее вас, если вы до сих пор свободны и ни одна дама не сочла возможным прийти с вами сюда.

А вот это было неожиданно. И то, что этот незнакомец решился меня оскорбить, и то как меня стала защищать Настя. Неужели прошлые разговоры не прошли для нее даром? Подошедший «светский лев» от ее слов нахмурился, что-то бросил на французском, и поспешил уйти.

— И что он сказал?

— Ты не понимаешь французского? — удивилась Настя. — Так вот почему... — договаривать она не стала, благо-разумно замолчав. А там и Аня перевела разговор, став тихонько высмеивать то наряды дам, то поведение гостей.

Через десять минут к нам подошел Николай Карлович. Поздоровавшись, он уточнил:

— Роман, до меня дошел слух, что ты не знаешь французского.

— Не нравится этот язык, — пожал я плечами. — Но разве это проблема?

— Ты стоишь здесь, как сыч, и вычеркнут из общества, — заметил адмирал. — По-твоему это не проблема?

— Ваше превосходительство, а вас не удивляет, что в стране-победительнице ее знать разговаривает на языке по-

верженного врага? Словно это Франция одержала победу и сделала нас своей колонией. Я не был за границей, но что-то мне подсказывает, что при дворе Бонапарта не говорят на русском и не считают своих соотечественников, не знающих этого языка, ниже себя. Как в Англии не говорят на французском или германском. Приведите пример, в какой стране элита говорит не на родном языке, а на чужом? Я вот слышал, что лишь в колониях Африки местные вожди и их родственники говорят на языке метрополии. Как в Индии — на английском. Но ведь Индия — тоже колония. И у меня вопрос — а когда мы-то успели такими стать?

Глаза адмирала сузились.

— Твои слова уж очень сильно похожи на речи вольнодумца.

— Вас послушать, так любой, кто говорит правду и задает неудобные вопросы — сразу вольнодумец, — процедил я.

— Остановись, — предостерегающе произнес Николай Карлович.

— Хорошо, — чуть сдал я назад. — Но подумайте, ваше превосходительство, а так ли я неправ в своих выражениях? Вас самого-то не царапает это?

— Мои предки из Германии. И я отлично знаю их язык, — холодно заметил Краббе.

— И используете его в общении с друзьями? Или на приемах, где все русские?

— Я слышал тебя. Достаточно, — жестко осадил меня

адмирал.

Внутри меня все бурлило, но я все же послушался голоса разума. Что толку от моих слов? Будто я смогу поменять этих напыщенных индюков.

— Я попрошу Сергея Григорьевича, чтобы вы выступили в ближайшее время, — убедившись, что больше я спорить или что-то говорить на эту тему не собираюсь, сказал адмирал. — После выступления никто тебя задерживать не будет. Раз тебе тут так некомфортно, отправляйся в номер.

Я лишь кивнул благодарно. Действительно, в иных городах было в разы лучше.

Николай Карлович выполнил свое обещание. Строганов не стал задерживать наше выступление и уже через десять минут объявил, причем на русском языке, что стало для меня особенно важно, о причине внеочередного приема. А там уже мы с труппой исполнили «Петропавловск». Впечатления у публики песня вызвала неоднозначные. Офицерам-то она понравилась, но большинство из них уже ее слышали. Редкие генералы, присутствовавшие на приеме, одобрительно кивали, а вот дворяне, не принадлежащие к воинскому сословию и до этого показательно меня игнорировавшие, лишь вежливо похлопали. Жиденько так, с натянутыми улыбками. И терпеть их и дальше я больше не хотел.

— Следующая песня будет о русском флоте. О его триумфе, когда во всем мире с нами стали считаться, как с морской державой, — начал я. «Гангут» мы уже достаточно отрепе-

тировали, чтобы опробовать первый показ. Но не перед напыщенными снобами же это делать? Потому я продолжил, выплескивая накопившееся раздражение. — Но у меня сложилось ощущение, что в зале много людей, не знающих русский язык. Не обижайтесь, если не поймете — о чем речь, и уж точно не ощутите тех эмоций, что пробуждаются от песни у каждого любящего свою Родину и гордящегося ей гражданина нашей империи. Эта песня не для вас и не про вас. Можете даже выйти, вы ничего не потеряете.

После этих слов я обернулся к своей ошеломленной труппе и дал отмашку. Хорошо, что парни на репетиции привыкли к этому жесту и дальше действовали рефлексивно, начав тянуть одну ноту. И Ульян Игоревич стал задавать ритм, обрывая все шепотки. Если кто в зале и был возмущен моими словами, сейчас перебивать не станут. А уж после исполнения песни посмотрим, что они начнут «тявкать». Еще и в присутствии офицеров, которых, уверен, песня затронет за душу.

Глава 3

1 — 2 декабря 1859 года

Москва. Особняк графа Строганова

— Мальчишка! — пошипел тихо князь Вяземский, который до этого подходил знакомиться с двумя прекрасными барышнями, с чего-то предпочитавших общество этого неотесанного юноши. — Какой же он дворянин, если не знает элементарных норм приличия?

— Смотрю, вас его слова задели, — также тихо заметила Елена Долгорукова.

Да, в светском обществе было принято общаться в основном на французском. Что не означало, будто никто из присутствующих не знал русского языка. Но русский был для общения с «черною» — мелкими приказчиками, чиновниками и слугами. Нередко даже в кругу семьи чаще пользовались французским — чтобы слуги не подслушивали, о чем разговаривают господа. Не удивительно, что незнание молодым человеком этого языка в головах присутствующих автоматически перевело его в разряд той самой «черни». «Не дворянин» — вот что стали говорить гостям те, кто первым попытался завести диалог с юношей. И каково было их удивление, когда пришедшие позже офицеры из свиты контр-адмирала поделились, что парень-то оказывается благородных кровей. Да, род у него молодой и провинциальный, но это же

не повод наплевать на этикет? Наоборот, молодые рода обязаны снизу вверх смотреть на старые и тянуться к их уровню!

Впрочем, развить разговор у Вяземского не получилось. Уж слишком громкой была песня, которую исполнял этот наглый выскочка из провинции. Тут или кричать, чтобы тебя услышали, нарушая тем самым этикет, или дожидаться окончания выступления. Естественно недовольный князь выбрал второе. Он же не какой-то невежда Винокуров!

Долгорукова в этот момент думала об ином. Дерзость юноши пришлась ей по вкусу. Не забитый и томный мальчик, но муж. Да, не умеет подать себя в обществе, но это проходящее. Опыт ему просто нужен. К тому же не дурен собой и талантлив.

«Вполне можно стать его доброй феей», — с полуулыбкой на лице размышляла дама.

Наличие невесты рядом, о чем проговорился Вяземский, женщину ничуть не смущало. Подумаешь! Она и сама замужем, но когда это мешало иметь душевного друга? А то и не одного? Главное — приличия соблюдать. Никаких откровенных сцен на публике, и подобный роман не нужно выносить дальше спальни. Даже если общество узнает, а оно обязательно узнает, о наличии такого «друга», то лишь понимающе улыбнется. Порицается только наживать на стороне дитя, да ходить с таким другом под ручку, когда муж рядом.

Тут исполнение песни завершилось, и зал на несколько секунд погрузился в тишину. Которую разорвали аплодис-

менты со стороны присутствующих офицеров. Вот уж кого задела за живое песня и привела в полный восторг! Тем контрастнее смотрелся Вяземский и другие гости, не принадлежащие к флоту и военной службе в целом. Большинство из них оценивало не песню, а прозвучавшие перед ней слова юноши. И теперь они думали, как с ним поступить.

Пока пел, я смог немного успокоиться. Словно выплеснул через слова все скопившееся внутри напряжение. Тем более что и сама песня тому способствовала. После завершения исполнения зал отреагировал ожидаемо. Свита Краббе нам аплодировала, на лицах офицеров была гордость за описанное событие и причастность к флоту. А вот гражданские гости Сергея Григорьевича имели кислые лица. Далеко не все, но многие. Зал кстати никто из них не покинул, как я предлагал. Некоторые так еще и вяло похлопали, поглядывая на офицеров.

По завершению среди гостей начались шепотки, а я командовал своей труппе собираться.

— Не будем задерживаться и мешать *дорогим* гостям отдышать, — с не малым сарказмом произнес я. — Григорий Лукьянович, вам и вовсе сейчас лучше лежать в комнате и набираться сил. Доктора я вам вызову.

Тишков лишь хмуро кивнул, не споря. Состояние у него и правда было не очень, раз даже сил съязвить или отказаться не осталось.

— Я ухожу. Вы со мной? — повернулся я к подошедшим сестрам.

— Конечно, — хмуро кивнула Настя.

— Куда уж мы без тебя, — грустно хмыкнула Аня.

Но ее грусть была не из-за пророчества, а от того, как начался этот прием. Это чувствовалось в ее тоне.

Однако быстро уйти мне не удалось. Пока слуги помогали трупке собирать инструменты, ко мне подошел Николай Карлович.

— Роман, отойдем подышать к окну? Тут и без тебя разберутся.

Я молча кивнул и прошел с Краббе к приоткрытому окну. Мы встали так, чтобы нас прикрывала тяжелая портьера, после чего адмирал заговорил.

— Роман, что это был за перфоманс перед второй песней? Ты хоть понимаешь, в какое неудобное положение поставил и меня, как твоего поручителя, и нашего гостеприимного хозяина?

— Про Сергея Григорьевича я ничего дурного не говорил, — нахмурился я.

— Ты взял на себя дерзость предложить гостям покинуть дом графа! — процедил адмирал. — Это позволительно только хозяину или тому, кто выше его по положению. Ты кем себя возомнил-то?!

Николай Карлович не повышал голос, но его тон был холоден, а глаза сузились от гнева.

— Перед Сергеем Григорьевичем я извинюсь, — спокойно выдержал я взгляд мужчины. — Но кроме предложения «лишним» уйти, разве в моих словах было хоть что-то скверное?

— Да ты же буквально обвинил всех, кто не принадлежит к воинскому сословию, в невежестве! Усомнился в их знаниях, да еще и в чувстве патриотизма!

— Я сказал о сложившемся у меня впечатлении, — парировал я слова Краббе. — Сложно, знаете ли, чувствовать нечто иное, когда к тебе сначала обращаются на французском языке, а как узнают, что я им не владею, смотрят презрительно, да еще высокомерно не переходят на русский язык. Это простительно иностранцам, что могут не знать нашей речи. Но меня намеренно оскорбляли. И тем, что разговаривали в моем присутствии на незнакомом мне языке, и уже напрямую в присутствии моей невесты. По-вашему, я должен был утереться и стерпеть? Вы отказываете мне в праве иметь честь?!

А вот это уже адмирала проняло.

— Кто посмел тебя оскорбить и в каких обстоятельствах? — хмуро спросил он.

— Вам это зачем, Николай Карлович?

— Я тебя сюда привел. Оскорбляя тебя, этот подлец ударил и по мне. Я хочу понять, кто посмел? Знал ли он о том, кто тебя пригласил? Или нет?

— Этот «иностранец», — саркастично хмыкнул я, — не

представился. А тыкать пальцем невежливо.

Адмирал повернулся к залу боком и процедил.

— Опиши его, где он стоит?

Тут я уже не стал отпираться.

— Андрей Вяземский... — даже немного удивленно протянул Краббе, когда нашел глазами хама.

— И похоже, он не успокоился, — нахмурился я, заметив, что этот Вяземский взял курс на моих девушек.

— Ладно, твои мотивы я понял, — выдохнул адмирал.
— Но имей ввиду — теперь ты противопоставил себя всему высшему обществу Москвы. А когда слухи дойдут до столицы, то и в Петербурге тебя ничего хорошего не ждет. И вообще, Роман, я считал тебя образованным юношей. Но не знать французского языка?

— Я учил английский, — буркнул я в ответ.

— That's how? Why? (вот как? почему?) — тут же повернулся ко мне Краббе.

Ха! Не верит и проверяет?

— That's how it happened. (так сложилось)

После моего ответа лицо Николая Карловича изрядно смягчилось.

— Хорошо. Тогда мой тебе совет — в Петербурге, когда к тебе обратятся на французском, отвечай на английском. Использование иностранного языка в салонах и на приемах — пример хорошего тона и образованности. Если человек совсем не знает иных языков, то тут одно из двух — или он

непроходимый тупица, или у него не было денег на хорошее образование. Сам понимаешь, какой бы повод ни был, в глазах окружающих твоя репутация упадет. Теперь понимаешь, почему на тебя так смотрели? Вот показал бы ты свой английский, да потом попросил перейти на русский, как более тебе близкий... или из патриотических целей — и не было бы ни тех взглядов, ни всего остального.

— Спасибо за совет, — искренне поблагодарил я Краббе. — Но мне пора спасать свою невесту от навязчивости этого Вяземского.

— Князя, — добавил Краббе, поправив меня.

— Да, князя Вяземского, — кивнул я. — Эх, «везет» мне на князей, что домогаются девушек.

И на этой ноте я поспешил покинуть общество адмирала. Когда я подошел к Насте с Аней, то Вяземский уже уходил от них. Что-то ему девушки сказали, из-за чего он не стал задерживаться.

— Все в порядке? Что хотел этот хлыщ?

— Все хорошо, — ответила мне Настя. — Он просто ошибся в своих оценках.

— Господин Вяземский решил, будто интересуется нас как мужчина, — в тон сестре усмехнулась Аня. — И мы любезно объяснили ему, насколько он заблуждается.

Уж не знаю, в каких выражениях, но видимо достаточно доступных для мужского понимания они это сделали. Раз уж князь так быстро от них ушел.

— Идем домой, — вздохнул я. — Пока новый «Вяземский» или кто-то еще не испортил нам настроение окончательно.

Девушки обступили меня с двух сторон и демонстративно оперлись на мои локти, чтобы ни у кого сомнений не осталось — с кем они пришли и уходят. Так мы втроем и двинулись к выходу. Где нас перехватил слуга Строганова.

— Роман Сергеевич, — почтительно обратился ко мне лакей, — Сергей Григорьевич желает с вами поговорить до вашего ухода.

Пожалуй, это даже хорошо. Сразу извинюсь перед графом, раз такая промашка с моей стороны вышла. И объясню ему, что не имею зла или злых намерений в его сторону.

Про девушек лакей ничего не говорил, поэтому я попросил их подождать меня в карете. И уже после этого двинулся за слугой.

За время моего разговора с Николаем Карловичем Строганов успел покинуть зал и зайти в курительную комнату. Она такая не одна в особняке была, но вторая находилась ближе в залу, и там уже расположилась пара гостей, а эта — в десяти метрах дальше, ближе к спальным помещениям.

— Присаживайтесь, молодой человек, — указал мне Строганов на стул.

Сам он сидел в деревянном кресле.

— Курите?

— Не имею такой привычки, — покачал я головой.

— Я тоже, — кивнул граф и отодвинул от меня сигары, которые предлагал.

Я решил выполнить свое обещание Краббе до того, как старик начнет возмущаться моим поведением.

— Сергей Григорьевич, я приношу вам свои извинения, что невольно посягнул на ваше право решать — кому из гостей быть в вашем доме, а кому нет. Это моя ошибка, которую растолковал Николай Карлович.

Этимися словами я сразу хотел показать Строганову, что никакого намерения специально его оскорбить у меня не имелось. Все же граф-то со мной нормально общался с самого начала.

— Признаться, я удивился бы больше, если бы ты чего-то такого не учудил, — рассмеялся граф. — Не изумляйтесь, молодой человек, — заметил он мое ошеломленное лицо. — Юности свойственна горячность, а талантливым людям гораздо сложнее держать себя в каких бы то ни было рамках. Уж я на своем веку много раз подобное видел, знаю, о чем говорю.

— Благодарю вас... — растерянно протянул я, не зная, как реагировать.

— Ну, не тушуйся, — улыбнулся Строганов. — Лучше скажи, с чего ты именно так сказал, а не иначе?

Я кратко поведал то, что предшествовало моему выступлению. И поведение гостей по отношению ко мне, и нанесенное оскорбление — кстати, Настя так и не призналась, что

именно Вяземский обо мне сказал.

— Я же французский не знаю, — развел я руками, — лишь английский. И у нас все на русском говорят, даже на приемах, вот и не ведал я о такой формальной стороне этикета. Мне уже о том Николай Карлович рассказал несколько минут назад.

— Все понятно, — кивнул Сергей Григорьевич. — Но я позвал тебя не за тем, чтобы ругать или осуждать. Ты выражал желание посмотреть на мою школу рисования. Вот и хочу узнать — оно у тебя не пропало из-за сегодняшнего происшествия?

— Нет, Сергей Григорьевич. С удовольствием посмотрю на ваших воспитанников.

— Отрадно, — покивал граф. — Тогда жду тебя завтра утром. Заодно и свой талант художника покажешь. Видел я баталию, что ты написал. Но перепечатка в сборнике — это все же не то, что на полотне.

— Обязательно приду, — заверил я Строганова.

На том мы и расстались. Покидал комнату я в некой растерянности. Вот уж не ожидал после столь холодного приема обществом, что граф на меня не взъестся, а наоборот — снова к себе позовет. Благодаря этому в карету я вернулся в весьма хорошем настроении, чем удивил девушек. Пришлось им пересказывать мой разговор с графом. А там уже мы все же отправились назад в гостиницу.

Когда юноша ушел, Сергей Григорьевич далеко не сразу стал возвращаться к гостям. Ему простительно — все же не мальчик уже, седьмой десяток идет! Зато стоило обдумать и поведение Романа Винокурова и стоит ли стараться изменить в обществе первое впечатление о нем.

Строганов правильно предполагал, что свет «прощупает» парня. Но не ожидал такого конфуза с его стороны. Ведь большинство дворян изучает французский, как язык самого вероятного противника. С одной стороны. А с другой — это международный язык, после войны с Наполеоном его во всем мире знают. Но тут Винокуров решил «пойти своим путем». И провинциальность его сказалась, как понял из объяснений юноши граф. В остальном — Роман не подвел. Его песня взяла старого генерала за душу, пробудив гордость за свою страну и ее Великую победу. Давнюю, но от того не менее значимую. Да и первая песня равнодушным не оставила. Правильно Роман тогда посоветовал на репетиции не задерживаться.

«Дерзкий, смелый, но неопытный и может „закусить удила“, — такой вывод сделал Сергей Григорьевич о юноше. Пока ничего дурного в этой характеристике Строганов не видел. — Пожалуй, можно немного смягчить в свете впечатление о нем. Не сильно, но чтобы люди поняли — парень хоть и провинциал, но перспективный и способный. А там уж пусть делают выводы сами».

И определившись с линией поведения, когда Строганова

непременно начнут спрашивать про юношу, мужчина поднялся с кресла и отправился к гостям.

Труппа в гостевом зале успела уже собрать инструменты и покинуть помещение. Гости привычно разбились на группы, обсуждая услышанное и увиденное. Появление Строганова не прошло незамеченным. На него бросали заинтересованные взгляды, но мало кто спешил подойти первым. Те, что стояли в дальнем конце зала, расслабленно продолжили разговор, а вот кто находился ближе к дверям, повернулись в сторону Сергея Григорьевича с ожиданием. Нет, так-то и подойти могли, но вдруг граф сам желает с кем-то первым поговорить? Навязывать свое общество Строганову пришедшие люди не хотели. Тут и уважение к возрасту и статусу графа, и чувство собственного достоинства — чай, не мелкие дворяне собрались или хуже того — безродные мещане. Цену себе каждый из присутствующих знал.

Осмотрев зал, Сергей Григорьевич медленно двинулся к контр-адмиралу. По пути он все же перебросился парой фраз с теми, мимо кого проходил. Все же вечер только начался, надо уважить гостя, если оказался рядом с ним.

Николай Карлович только закончил разговор с князем Вяземским, покинувшим общество Краббе в весьма скверном настроении.

— Сергей Григорьевич, — повернулся к графу адмирал с легким приветственным наклоном головы. — Прошу у вас прощения за инцидент с Романом.

— Пустое, — улыбнулся Строганов. — Юноша немного погорячился, к тому же уже принес мне сам свои извинения.

Примерно то же самое граф сказал и тем людям, мимо которых проходил, только в иной форме.

— Обычно он более сдержан. И я выяснил причину столь... нехарактерного для него поведения.

— Вот как? — заинтересовался граф.

Слова «талант» и «сдержан» для старика в одном предложении были чем-то удивительным. А вот рассказ Николая Карловича о поведении князя Вяземского — скучным и обыденным. Ну понравилась князю провинциалка и он решил привлечь ее внимание на ее глазах втоптав в грязь ее кавалера... Что тут нового? К тому же Андрей Игоревич и раньше не блистал своим умением найти подход к дамам.

— Я пригласил Романа завтра к себе в школу рисования, — поделился Сергей Григорьевич.

Лицо Краббе разгладилось. Он понял, что хозяин вечера не злится на выходку его подопечного.

— Рад это слышать, — скупой улыбнулся Николай Карлович. — Уверен, он если не удивит вас, то и разочарованным вы не будете. В рисовании он гораздо более хорош, чем в написании музыки.

— Вот как? Но песни он исполнил замечательные.

— Это так. Вот только пишет он их... лишь по вдохновению, — скривился Краббе.

— А рисует — нет?

— Портреты он писал на заказ. Но музыку также сделать не может и категорически отказывается.

— Занятно...

Разговор мужчин прервала подошедшая Елена Долгорукова, поинтересовавшись — куда делся Роман Винокуров.

— Я хотела выразить ему свое восхищение таким исполнением и самой песней, но не могу, — вздохнув, обмахнула она себя веером.

— Увы, прием ему оказали не самый дружественный, — развел руками граф. — Вот юноша и решил не задерживаться.

— Однако и в ответ он выпустил коготки, — хихикнула женщина. — Мне понравилось.

— Чего не скажешь о некоторых иных, — хмыкнул Николай Карлович.

Чем дальше, тем все явственней становилось, что на выходку Романа свет посмотрел, как на некое чудачество и желание эпатировать публику. Тут и возраст был на руку юноше, и его провинциальность, и офицеры из свиты Краббе уже стали делиться, что Винокурова «накрутил» перед выступлением князь Вяземский. Не забыли упомянуть и то, что хоть французского Роман не знает, но в языках сведущ — просто в иных. В итоге к концу вечера большинство гостей вспоминало слова Романа с легкой улыбкой. Ведь его просьба «покинуть зал тем, кто не понимает русского языка и не любит их страну» к ним не относилась. Хотя остались и те, кто фыр-

кал от упоминания имени юноши. Как тот же князь Вяземский. Но пока что переменить настрой света они не могли.

Гостиница «Славянская»

— Господин, ваш завтра... ДЗИНЬ!

ОЙ!

ГОСПОДИ
ПАМИЛУЙ!

Зашедший половой уронил поднос с кашей и испуганно затрясся. Еще бы! Нашел момент, когда я тренировался с револьвером и его быстрым выхватыванием. А тут дверь открывается, я резко поворачиваюсь на звук и навожу дуло на проем. Есть с чего «в штаны наложить». Быстро опустив оружие, я поднялся и оправил рубаху. А то ведь в соответствии с условиями своей тренировки наводил оружие не просто на цель, а с одновременным приседанием и уходом с возможной линии огня.

— Занеси попозже, — вывел я служку из ступора.

— А? Да, конечно, извиняюсь, что помешал, — засуетился он.

Мда. Неудобно получилось. Сам ведь вчера вечером зашел в ресторан при гостинице и попросил завтрак в номер с утра. Ну да что уж теперь.

Девушки пока еще не встали, но надо уже их будить. В школу Строганова они отправятся со мной. Не после моего вчерашнего «феерического», если не сказать хуже, общения с местной знатью отпускать их одних гулять. И так-то не собирался, а тут еще и причина появилась. Если вчера на приеме были злопамятные люди, то вполне могли приказать проследить своим слугам за мной, чтобы устроить сегодня подлянку. Завтра-то мы уже должны отправиться в Петербург и иного времени у них не будет.

Зато и мне не нужно больше думать, с кем бы завести

здесь знакомство. Дорогу для этого я себе надежно отрезал. Да уж, а ведь мог бы догадаться о такой «мелочи», что в светском обществе больших городов будут иные обычаи и свой этикет, отличный от нашего глухого угла. Надо будет расспросить Николая Карловича или кого из его свиты о придворном этикете столицы, пока мы будем в пути. Чтобы больше так впросак не попадать. Время в пути еще будет, а сейчас — завтрак, сборы и снова к Строганову! Только еще к Тишкову зайду проведать — как он там. Доктора-то вчера я ему вызвал, но сам дожидаться его прихода не стал. Надеюсь, Григорий Лукьянович не сляжет с болезнью окончательно, иначе придется его оставить в Москве. Не тащить же больного человека с собой — так его и до гроба довести можно.

Глава 4

2 декабря 1859 года

Москва. Доходный дом, где разместилась труппа Романа

До Тишкова я добрался через час после завтрака. Доходник, где он жил, располагался недалеко — всего-то на соседней улице. Очень престижное место, хоть меблированные комнаты в нем стоили гораздо дешевле, чем в гостинице.

— Как вы, Григорий Лукьянович? — спросил я мужчину, зайдя в его комнату.

Девушек я оставил в карете. На всякий случай — чтобы не заразились. Это я закаляюсь, и иммунитет у меня повыше будет, а они таким не занимаются. Выглядел Тишков все еще слабым к тому же кашлять начал.

— Нормально, — буркнул мужчина, вставая с кровати.

— Не утруждайте себя, вам сейчас лежать надо.

— Сам разберусь, — раздраженно отмахнулся он.

Но все же спустя мгновение рухнул обратно на подушки.

— Что сказал врач?

— Их целых два было, — криво усмехнулся Тишков, изрядно меня удивив. — Один от вас, а второго Сергей Григорьевич нанял. Оба твердят одно — у меня катаральное воспаление, — увидев мое недоуменное лицо, он снова криво улыбнулся. — Простуда, если проще. Переохладился.

— Радует, что пока только она, — кивнул я. — И что вам

прописали?

— Да как обычно, — пожал он плечами, — больше пить, полоскать горло отварами, да горчичник на грудь. Не в первый раз болею. Не думаю, что дойдет до кровопускания.

— Зачем кровь-то пускать? — пробормотал я ошеломленно.

— Как зачем? — удивился Григорий Лукьянович. — А как иначе сильный жар сбить, да кровь обновить? У меня до такого ни разу еще не доходило, но видел — делают так, когда совсем плохо становится.

— Глупость какая, — помотал я головой.

— Вы врач? — с вызовом спросил Тишков, будто я посягаю на его здоровье. — Нет? Тогда не нужно делать таких громких заявлений.

— Не знаю, последуете ли вы моему совету, но я бы рекомендовал вам добавить к назначенному лечению пару процедур.

— Это каких же? — сварливо спросил мужчина.

— Греть ноги в горячей воде. Очень горячей, при этом сидя на кровати и закутавшись в одеяло. А также — дышать парами картофеля. Пусть вам сварят ее и, не вынимая из кастрюли и не сцеживая воду, принесут сюда. Укутайтесь в одеяло с головой, наклонитесь над кастрюлей и дышите минут пять. Так, чтобы горячие пары проходили через нос и рот. И как закончите — лягте и не вставайте и не раскрывайтесь, как бы жарко вам не было.

— Вот уж это — точно глупость. Что за дикие идеи приходят к вам в голову?

— Так у нас крестьяне лечатся, — нашел я объяснение своему предложению. Не говорить же, что сам так в детстве лечился, когда в семье с деньгами было плохо и на лекарства не хватало. — Еще можно лук разрезать пополам и рядом с головой положить, чтобы вдыхать его запах. Это тоже помогает.

— Я не крестьянин, — процедил Тишков.

— Как знаете. Я бы таким лечением не побрезговал, — пожал я плечами.

Уговаривать его я не собирался. Дал совет, а там уж пусть сам решает — прислушаться или нет. Попрошавшись, я поспешил к Насте с Аней.

— Ну как он там? — с тревогой спросила моя невеста.

— Простудился, — вздохнул я. — От чего стал еще сварливее, чем раньше. Будем надеяться, что пойдет на поправку и не придется его оставлять на лечение здесь.

— А если не пойдет? — нахмурилась Аня.

— Придется в Петербурге искать другого контрабасиста.

На этом разговор о Тишкове сам собой заглох и до особняка графа мы ехали молча.

Сергей Григорьевич в этот раз был дома. Встретивший нас на пороге лакей проводил к нему в кабинет, где мы и поздоровались.

— А дамы тоже рисуют? — любопытствовал Строга-

НОВ.

— Нет, просто им скучно сидеть в гостинице.

— Понимаю, — с улыбкой кивнул старик. — Тогда прошу за мной.

Школа рисования графа находилась в противоположном конце здания от гостевого зала, в котором проходил прием. И она сейчас не пустовала. Вдоль длинного коридора шли двери в классы. С первой из них Сергей Григорьевич и начал свою экскурсию для нас.

— Здесь ученики обучаются азам рисования, — рассказывал Строганов. — Учатся наносить на холст простые геометрические фигуры, держать кисть, изучают, какие цвета получаются при смешивании красок и тому подобное.

В самом классе сидело шесть человек. Большинство — мальчишки не старше тринадцати лет. Но была и одна девочка. Одеты по-разному, что выдавало их социальный статус. Та самая девочка к примеру красовалась в дорогом платье — из дворянок или дочь купца, не иначе. Мальчишки одеты гораздо проще.

— Но полагаю, этот этап тобой давно пройден, — улыбнулся граф, увидев мое хоть и любопытное, но по большей части скучающее лицо.

— Да, нарисовать шар для меня не проблема.

Шар я назвал не просто так — он одна из самых сложных для рисования геометрических фигур. Кивнув, Сергей Григорьевич повел нас дальше. Во втором классе учились чер-

чению и рисованию орнаментов.

— Моя школа не просто учит художников, но готовит будущих эскизистов для мануфактур и фабрик. Ученики получают прикладную профессию, которая позволит им получить рабочее место.

— И зачем же нужны художники на мануфактурах? — не удержалась от вопроса Настя.

— А кто по-вашему создает рисунки обоев, орнамент тканей, занимается росписью фарфора и посуды? — усмехнулся Строганов, вогнав девушку в краску смущения.

Я же после этих слов зауважал графа еще больше. То есть он не просто решил развивать живопись в России, а готовит профессионалов для промышленности. Больше ремесленников, чем творцов, но от этого они не становятся менее важными. Скорее даже больше нужны империи, чем обычные художники, занимающиеся написанием полотен.

Дальше был третий класс — тут уже стояли гипсовые фигуры, с которых ученики делали зарисовки. Не только человеческие манекены, но и фигурки животных, мебели, даже деревьев. Большая часть располагалась на стеллажах вдоль стен. Ученики или сами, или их наставники брали часть этих фигурок для проведения занятия и ставили на парту. Сейчас на передней парте стояла целая композиция — из лежащей лисы, стоящего рядом охотника и они были прикрыты сверху раскидистым дубом. Это было уже гораздо интереснее. Особенно тем, что сами фигурки были бесцветные, и

каждый ученик мог не только перерисовать композицию, но и раскрасить ее на свой вкус. Возраст у учеников здесь был уже выше — мои ровесники в основном занимались. Причем здесь девочек не было вовсе. Да и в предыдущем классе я их не заметил, кроме самого первого.

Четвертый класс был уже отведен не под живопись, а под лепку. Тут работали как с глиной, так и с гипсом. Что интересно — на полках стояли образцы, с которых ученики делали копии, и они делились на три «стиля», если можно так сказать: геометрические объекты, античная скульптура и архитектура, и фигурки, связанные с древней Русью — богатыри соседствовали со степными всадниками, а рядышком «сидел» на пеньке старичок с дудочкой в руках.

— Умеешь лепить? — поинтересовался Сергей Григорьевич.

— Никогда не доводилось, — покачал я головой.

— А хочешь попробовать? Может, у тебя есть скрытый талант к этому?

— Попробовать можно, но сомневаюсь...

— Не тушуйся, — усмехнулся граф.

Свободные парты в классе были, целых две. Вот за одну из них я и сел. За мной вызвалась попробовать свои силы и Настя. Аня бы тоже не прочь была себя испытать, но для нее свободного пространства уже не осталось. Ученики школы на нас косились, но молчали, старательно выполняя задание учителя. Было видно, что здесь работают не из-под палки,

а со всей отдачей. Ведь большинство учеников — из разночинцев и для них успешное окончание графской школы — натурально билет в жизнь.

Лепить что-то сложное я не собирался. Передо мной поставили фигурку сидящего волка, дали гипсовую массу и оставили работать, без каких-либо пояснений. Как я понял — это была проверка со стороны Строганова. Что ж, посмотрим, дастся ли мне это искусство или нет...

— Здравствуйте, Елена Алексеевна, — поприветствовал женщину лакей Строганова.

— Я договаривалась с графом, что он меня представит господину Винокурову. Он уже здесь?

— Да, прошу за мной.

Женщина обрадовалась, что встреча не сорвется. Правда ее радость слегка поутихла, когда она дошла за лакеем до одного из классов школы и кроме самого юноши увидела да-

вешних девиц, которые крутились с ним на вечере.

«Ну ничего. Так, пожалуй, даже лучше», — решила Долгорукова.

Обменявшись приветствиями с Сергеем Григорьевичем, который тоже был здесь и с любопытством наблюдал за Романом, она завязала с графом непринужденный разговор.

— Неужели, парень настолько талантлив, что и в скульптурах ведаёт?

— Это мы сейчас и выясняем, — улыбнулся Строганов. — Хотя сам он не верит в свой успех.

— Получается у него недурно.

— У кого талант к живописи, чувствует правильность форм интуитивно, — заметил мужчина. — Тут важен глазомер и хорошее владение своими пальцами. Как мы видим — и то и другое имеется у юноши.

Из гостей графа новое лицо заметила пока лишь одна из спутниц Винокурова, которой не досталось места за партами. То, что это две сестры, Елена Алексеевна и раньше отметила, а сейчас удивлялась — насколько они схожи. Издалека-то можно было лишь определить, что они близняшки, но всегда имеются хоть какие-то отличия во внешности. А тут — взгляд женщины не мог их найти. Только разный цвет платьев и помогал отличить одну от другой, да мелкие детали в декоре наряда.

Юноша закончил работу спустя четверть часа. Больше времени у него ушло на проработку мелких деталей. Гипс

уже начал схватываться и Роману пришлось приложить усилия, чтобы случайно не сломать свою заготовку.

— Уф, — облегченно выдохнул парень и отодвинулся от стола, повернувшись к двери. И лишь сейчас заметил Долгорукову, благожелательно смотрящую на него. И главное — он ее узнал. Вон как глаза расширились в удивлении.

«Пора знакомиться», — пришла к выводу женщина, делая шаг вперед.

Лепить из гипса мне понравилось. Только материал это немного «капризный». Схватывается он относительно быстро, уже через десять минут теряя первоначальную пластичность, поэтому и возиться с ним долго нельзя. Особенно сложно было, когда я перешел к мелким деталям — пытался специальным ножичком сделать контуры шерсти, да работал над головой волка. В конце работы гипс под нажатием ножа стал чуть-чуть крошиться и даже трещины пошли. Пришлось снова его смачивать водой, чтобы вернуть прежнюю пластичность. Учитывая, что смочить и не помять его — дело практически нереальное, тут-то я и заморочился больше всего. Но результатом я был доволен. Даже не ожидал, что у меня толково получится с первого раза.

Закончив, я обернулся посмотреть на реакцию Сергея Григорьевича и на миг застыл. Рядом с ним стояла дама, которую я видел вчера в компании Вяземского. Она с ним не постоянно стояла, но вот во время моего выступления они

рядышком были и даже перекидывались фразами. Я ее и запомнил лишь потому, что князя старался из вида не упустить после его оскорблений в мой адрес. Естественно, что ее присутствие меня напрягло. Неужто сейчас начнет требовать, чтобы я извинился перед ней за вчерашние слова? Или еще что-то предъявит?

— Здравствуйте, Роман, — улыбнулась мне женщина, когда я подошел. — Мне понравилось ваше вчерашнее выступление. Хотела выразить вам свое восхищение, но не успела — вы покинули наше общество раньше.

— Мне показалось, что я буду лишним, — хмуро ответил я, стараясь не верить ее улыбкам и благожелательному тону.

— Зря. Да, ваши слова поначалу задели некоторых гостей, но большинство считает их просто попыткой эпатажа. Вот, Сергей Григорьевич подтвердит, — кивнула она на графа.

Тот как раз подошел к моему столу и рассматривал созданную мной фигурку. Слова дамы он однако услышал, обернулся и кивнул. После чего аккуратно взял моего волка, который был на деревянной подставке, и подошел к нам.

— Все так, Роман, Елена Алексеевна не покривила душой, — вот я и узнал имя не представившейся дамы. — Твою выходку посчитали желанием привлечь к себе внимание. Я знаю, что это было не совсем так, — тут же поднял он руку, когда я хотел возмутиться. — И о том, что тебя оскорбил князь Вяземский, а твои эмоции были направлены в первую очередь на него, Николай Карлович тоже всем рассказал. Но

ведь ты мог на его оскорбление ответить и иначе? Не обобщая.

И в этом он прав. Фактически меня ткнули носом в то, что я повел себя как ребенок. От чего стало стыдно. Да уж, не такую репутацию я намеревался себе создать. Хорошо хоть в целом не нажил себе во враги всю Москву. Правда не понимаю, почему я так поступил? Вроде до этого в Царицыне и Дубовке вел себя осмотрительно. Подобное эмоциональное поведение у меня было, когда гормоны шалили не находя себе выхода. Но сейчас-то с этой стороной жизни у меня все в порядке. Надо будет обязательно на досуге подумать, с чего я так вскинулся вчера. Строганов же, посчитав вопрос исчерпанным, перевел тему на слепленного мной волка.

— У тебя очень хороший глазомер и ловкие пальцы, но опыта в лепке не хватает. Однако — потенциал стать скульптором имеется. Не думал посвятить себя полностью искусству?

— Я наследник своего рода, — покачал я головой. — Искусство для меня — вторично.

— Не спеши отказываться от такого будущего. Неужели у тебя нет братьев? Может, у них как раз проявится желание и талант в управленческой деятельности?

— Им по шесть лет, — улыбнулся я, вспомнив близнецов. — Пока у них талант только набивать себе шишки да синяки. Сергей Григорьевич понятиливо покивал.

— Хорошо. Но ты подумай об этом, как они подрастут. А

сейчас — предлагаю продолжить экскурсию. Тем более нам остался лишь класс натурной живописи.

Пока мы говорили, Настя тоже закончила с работой, а Аня смотрела на нее с огорчением — поняла, что мы сейчас дальше пойдем, и ей не получится свои способности проверить.

— Все! — выдохнула моя невеста и повернулась ко мне.

Чтобы наткнуться взглядом на Елену Алексеевну.

— Здравствуйте, — сухо кивнула она женщине.

Тоже узнала. Но развивать конфликт или в чем-то обвинять ее не стала. Будто вся моя сдержанность после нашего разговора к ней перешла. Я даже не успел рассмотреть, что она слепила, как пришлось идти за графом.

— Ну вот и последний класс, — приглашающе указал на дверь Сергей Григорьевич. — Тут наши ученики учатся рисовать с живой натуры. Это, как вы понимаете, уже следующий, более сложный этап.

Я раскрыл дверь и невольно застыл.

— Ну что вы, Роман, встали? — поторопил меня граф.

После его слов я словно очнулся и сделал шаг внутрь и в сторону, открывая остальным дорогу. Мое же замешательство было связано с натурщицами — они почти все были обнажены. Лишь парочка девиц сидела в накинутой на манер тоги ткани. Да и та была тонкой и мало что прикрывала.

— О! — вскинул брови граф, поняв, из-за чего я не сразу вошел в класс. — Признаться, я подзабыл, что сегодня занятие по античной культуре.

Оглядевшись, я заметил стоящие у стен картины, с которых натурщицы и взяли пример для позирования. Сами художники здесь были все так же мужского пола, а вот натурщицами выступали молодые девушки. На наше появление и ученики и «манекенщицы» отреагировали спокойно. Первые продолжили творить — видимо подобные экскурсии граф устраивал часто, никто еще ни в одном классе не прерывал занятие при нашем появлении. Девушки же почти не дрогнули, лишь скосившись в нашу сторону глазами. Тоже показатель. Никакого разврата тут не было и в помине — рабочий процесс на лицо. Даже у парней нет смущения или стеснения, зато имеется полная сосредоточенность на холсте.

— А вы, Роман, не желали бы написать подобный портрет? — вдруг повернулась ко мне Елена Алексеевна, махнув рукой в сторону натурщиц.

— Нет, — мотнул я головой.

— Почему же? — удивилась как она, так и граф Строганов.

— Написал уже одну, — буркнул я, — вот только дама посчитала, что после этого нас ждет какое-то продолжение. Мне неприятно вспоминать эту историю, поэтому прошу не пытаться на эту тему.

— Как скажете, — слегка разочаровано кивнула женщина.

— Не стоит по одной даме отрезать себе широкий пласт

живописи, — заметил Сергей Григорьевич. И тут же добавил. — Здесь учатся не просто рисовать обнаженных людей в стиле античности. Ученики изучают человеческую анатомию, что в дальнейшем поможет и в создании эскизов плащей, и нарисовать портрет по устному описанию к примеру для полицейских нужд, да и для медиков создать анатомический атлас их искусство поможет.

— Я понимаю, но не горю желанием браться за портреты такой направленности для частных лиц.

— Хорошо, — покладисто кивнул граф. — Но тогда не откажи показать мне свое мастерство здесь, на этих девушках. Обещаю, никаких негативных последствий от этого у тебя не будет.

Я покосился на поджигающую в ревности губы Настю, но отказываться не стал. Дал ведь слово Сергею Григорьевичу, что покажу свой талант, и если сейчас начну отказываться, это будет выглядеть странно. Как минимум.

Холст нашелся здесь же в классе. Как и мольберт с красками. Я попросил еще и карандаш.

— Не будет ли он проступать сквозь краски? — нахмурился граф.

— Я лишь нанесу им контуры. Сильно давить на грифель не собираюсь.

А вот модель мне вызвалась выбрать Елена Алексеевна. Чьей фамилии я, к своему стыду, так пока и не знал. Строганов не стал спорить, да и мне — какая разница? И в ка-

честве натурщицы по ее воле мне досталась девушка, которая изображала Венеру Милосскую. Эта статуя была найдена чуть меньше тридцати лет назад и уже завоевала широкую известность. А так как рук у нее во время находки не обнаружилось, то моя натурщица могла их поставить как угодно. Почти как угодно — так-то теории о расположении рук имелись и самые разные. Натурщица же выбрала вариант «Венера Стыдливая» о чем мне поведал Сергей Григорьевич. В этой позе одна ладонь прикрывала девушке сосок на левой груди, а вторая — пах, попутно удерживая ткань, которая струилась по ее ногам.

Получив все необходимое для работы, я приступил к делу.

Сергей Григорьевич с большим интересом смотрел на работу юноши. Вот Роман начал наносить на холст простые геометрические фигуры, разбивая все тело натурщицы на отдельные зоны.

«Хмм... обрубовку использует», — кивнул своим мыслям граф.

Так работали и ученики его собственной школы, но на более ранних этапах — до перехода на работу с живыми людьми. Но Роман не углубился в большую детализацию, лишь обозначил общие контуры, довольно быстро соединяя фигуры в единое целое.

«Опыт у него есть и немалый, — оценил скорость работы Строганов. — Но где он учился? У кого? За его действиями

прослеживается школа, однако я же всех у нас в стране знаю. Кто-то из выпускников дал ему несколько уроков? Или иностранца нанимали?»

Обозначив карандашом общие контуры тела, Роман взялся за кисть. И снова Сергей Григорьевич отметил, насколько юноша быстро подбирает нужный тон, смешивая краски, и как точно наносит слои. Не слишком много, из-за чего пришлось бы долго ждать высыхания, и не мало — ровно, чтобы прокрасить полотно.

«Про свой опыт в написании портретов он не врал», — мысленно покивал Строганов.

Несмотря на то, что урок длился уже больше часа, когда они зашли в класс, Винокуров очень быстро нагнал других учеников. Пока высыхал первый слой краски, обозначающий тело «Венеры», он переходил к прорисовке фона. Стоило ему закончить, как уже можно было наносить второй слой краски. Роман даже учел, что первый слой не до конца высох и подобрал тон для второго слоя с учетом такой детали. Тут уж можно говорить не только об опыте, но и о художественном чутье.

Граф смотрел за работой юноши словно завороченный и сам не заметил, как пролетело два часа. И вот — портрет уже был готов.

Роман отложил кисть, окинул критическим взглядом свою работу и повернулся.

— Ну как, Сергей Григорьевич? Насколько вы оцените

мою работу?

Стоило мне начать работу, как все остальное отступило на задний план. Не хотелось ударить в грязь лицом перед Строгановым после того, как сам же заявил о себе, как об отличном художнике. Да и модель была приятной глазу. Даже удивительно, но никакого сексуального влечения я к ней не испытывал — только эстетическое наслаждение. Хотя можно было ожидать иного — с моим-то молодым телом и предшествующим опытом «бурлящих гормонов». Девушка была юна, лет восемнадцати, с гладкой и чистой кожей. Интересно, из какого она сословия? Вряд ли дворянка, но и не крестьянка — у тех руки обычно огрубевшие от тяжелой работы и кожа под палящим солнцем часто покрывается веснушками и загаром, который может до Рождества оставаться. Может, чья-то воспитанница из мещанок?

Взгляд у натурщицы был только усталый — не первый час она позировала. Уже и руки подрагивали еле заметно, и переминалась с ноги на ногу. А вот то, что на ней почти не было одежды — только легкая ткань от бедер струилась, мне повезло. Это здорово сокращало время работы. Не надо прорисовывать мелкие детали одежды, которые идут вторым или даже третьим, а то и четвертым слоем. Когда я закончил, другие ученики Сергея Григорьевича все еще были в работе. Пусть они и начали раньше, но скорость у них пока страдала.

Повернувшись к графу, я сказал о завершении и принялся

ждать его вердикта.

Глава 5

2 декабря 1859 года

Москва. Особняк графа Строганова

— Роман, а кто твой учитель? — после небольшой паузы, задал мне Сергей Григорьевич неожиданный вопрос.

— Никто, — ответил я, внутренне насторожившись. — С чего вы взяли, что меня кто-то обучал?

— Но ты же применил академическую технику рисования! — возмутился Строганов. — Самоучки так не делают!

— Что вы имеете в виду?

Да, меня обучали в прошлой жизни рисованию. И это несомненно сказалось. Но сейчас-то мне как свои познания объяснить? Надо выкручиваться, и для начала — понять, в чем я «прокололся».

— Ты использовал «обрубовку». Так только в школах преподают.

— Это что? — с недоумением посмотрел я на графа.

У того аж брови вскинулись.

— Ну... сначала ты разбил тело натурщицы на геометрические фигуры, а потом уже соединил их в единый контур. Это называется «обрубовкой».

Вот уж не знал. Когда мне преподавали рисование, подобный прием назывался «геометрической стилизацией». Неудивительно, что я не понял выражения Сергея Григорье-

вича. Надо было срочно как-то объяснять, почему я так поступил.

— Но разве это не очевидно? — пожал я плечами. — Разбить сложную задачу на множество простых, чтобы потом их объединить. Такой подход можно применить к любому делу. И тут — то же самое. Вместо сложной фигуры я рисую что-то попроще, а затем все это объединяю.

Мой ответ на мгновение поставил Строганова в тупик. А потом он рассмеялся.

— Вот уж — воистину гений. Ведь ответ и правда — на поверхности. И до тебя к нему давно пришли.

Я мысленно выдохнул. Пронесло. Строганов поверил моим словам.

— А еще что-то можете изобразить? Быстрое? — вдруг вмешалась в наш разговор Елена Алексеевна.

Я воспринял ее предложение как шанс, еще сильнее укрепить у графа мнение, что я — самородок. И поэтому согласился.

— Да, дайте мне бумагу и карандаш — и я нарисую небольшой набросок.

Скетчи. Как часто они меня выручали! Альбомный лист с карандашом мне нашли быстро. А дальше я за пару минут изобразил Елену Алексеевну в ее нынешнем виде — в меховом пальто, шапке и с полуулыбкой на лице. Вообще это была довольно молодая дама, не старше тридцати лет. Черные волосы, озорной взгляд, относительно небольшая грудь

— примерно второго размера, если я правильно помню, как она выглядела на приеме. Почти идеально для скетчинга*!

* — прообразом «скетчей» были обычные черновые наброски. Свое развитие, как отдельного стиля, они получили в двадцатом веке

— Хмм... — протянул Сергей Григорьевич, рассматривая мой экспромт. — Чем-то напоминает обычный черновик, но словно доработанный.

— И нарисованный очень быстро, — заметила Елена Алексеевна, рассматривая свой мини-портрет.

Я понял, что скетчем не смог впечатлить Строганова, на что рассчитывал, и у меня в запасе остался лишь один прием.

— Можно еще листок? — попросил я.

Мужчина оторвался от скетча и с любопытством посмотрел на меня.

— Конечно.

Когда мне дали второй чистый листок, я принялся за начертание рисунка-метаморфозы. Для начала сделал образ полуобнаженной женщины и показал его Сергею Григорьевичу с Еленой Алексеевной.

— Что вы видите? — задал я им вопрос.

— Что недавний урок античного искусства не прошел для вас даром, — рассмеялась женщина.

Граф Строганов улыбнулся, поддерживая тон женщины.

Я лишь понимающе покивал и продолжил рисовку. И вот уже полуобнаженная нимфа превратилась в проводящих пикник гномов.

— А сейчас? — протянул я.

Все происходило на глазах у присутствующих, и я заметил, как их взгляд меняется с любопытного на изумленный. Неужели у меня все же удалось удивить Сергея Григорьевича?

— Это... — с запинкой произнес граф и замолчал.

— Волшебство! — вместо него закончила Елена Алексеевна. — Вот теперь никаких сомнений у меня нет — вы, Роман, настоящий талант! Никогда ничего подобного я не видела!

Сергей Григорьевич лишь молча кивнул, рассматривая рисунок и пытаясь понять, как у меня это получилось. Такой серьезной метаморфозы он не видел никогда.

— Роман у нас талантлив во многих сферах, — все же не удержалась от молчания Настя и ревниво взяла меня под локоть. — Мы познакомились с ним, когда он написал наш с сестрой портрет. А потом это вылилось в нечто большее. У него и своя яхта есть, переделанная так, что всем на зависть! И карета с обогревом, что не простудишься в самый лютый мороз. И все — по его идеям!

— Не сомневаюсь, — усмехнулась такой горячности Насти Елена Алексеевна. — С удовольствием бы тогда посмотрела на вашу карету, — посмотрела она на меня. — Может,

и себе удастся нечто подобное сделать? А то зима в Москве бывает очень холодной... — передернула она показательно плечами, будто ей зябко.

— Роман, — отвлек нас от разговора Сергей Григорьевич. — Я видел твою работу с самого начала, но не пойму — как у тебя так все вышло? Настолько изменить рисунок... и ведь ничего мистического, просто — искусство изображения!

— Все просто на самом деле, — улыбнулся я, довольный, что наконец-то смог хоть чем-то пронять графа.

И стал ему объяснять все этапы преобразования одного рисунка в другой.

— Я еще заметил, что при определенном расположении геометрических фигур можно создать эффект движения, — сказал я, когда закончил свои объяснения. — Или «живые» картинки — словно видишь не нарисованный, а самый настоящий предмет. А можно еще и метаморфозу нарисовать, как эту, но сложнее — в которой каждый человек увидит что-то свое.

— Вот как? — заинтересовался Сергей Григорьевич. — Признаться, я о таком слышал и видел в некоторых картинах. Но как этого добиться было бы интересно узнать.

Вот! Еще одно направление, которое еще не «открыто»! Оптическая иллюзия. Точнее — о ней из слов Строганова уже знают, но еще не успели разобраться, как добиться получения устойчивого результата, а не случайно. Тут я мог уже «развернуться». Есть ведь «движущиеся» иллюзии — когда

при взгляде на картину кажется, что она не статична. Это достигается нанесением ломаных линий в определенном порядке. То, что я и пообещал Строганову в первом варианте. Второй озвученный мной вариант — «объемные» иллюзии. Самая известная из них — провал в преисподнюю или «колодец». Когда рисуется такая картина, что при попадании в ее центр можно будто провалиться вниз, особенно если расположить ее на полу. Еще плитку в ванной так иногда делают — часто в прошлой жизни видел в тик-токе. И третий вариант — картинки-тесты. Такие обычно любят использовать психологи — в них заложены сразу по два, а то и три образа. Смотря под каким углом посмотреть на изображение.

Для начала я нарисовал два круга из черточек с точкой в центре. У первого круга черточки были направлены в одну сторону, у второго — в противоположную, но угол наклона черточек у обоих кругов был приблизительно одинаков.

— Смотрите в центр и медленно отдаляйте или приближайте рисунок, — сказал Сергею Григорьевичу.

— И впрямь — двигаются, — с удивлением произнес он, «поигравшись» так, как я ему сказал.

После Строганова рисунок перешел к Елене Алексеевне, а там и мои девушки им завладели. Каждый хотел убедиться, что я не шучу. Пока они рассматривали первый вариант, я успел нарисовать второй. А там и третий выполнил, в котором были заложены два лица — мужское и женское. И если второй вариант вызвал лишь слабый интерес, то вот третий

заставил Строганова с Еленой Алексеевной поспорить:

— Хмм... вижу лицо мужчины. И в чем здесь иллюзия? — спросил меня граф, когда я ему передал последний рисунок.

У него из рук его приняла Елена Алексеевна, пока Строганов смотрел на меня, и очень удивилась.

— Сергей Григорьевич, но позвольте — где вы здесь увидели мужчину? Здесь же нарисована женщина!

А там и мои девушки стали рассматривать картину. И их мнения тоже разделились. Аня видела мужчину, а Настя — женщину.

— Роман, — после пятиминутного спора, так ни к чему и не приведшего, посмотрел на меня Строганов. — Может, объяснишь нам, как так получилось?

— Каждый видит в рисунке то, что ему ближе, — улыбнулся я.

И тут же пальцем обрисовал контуры мужского лица, после чего провел пальцем по контурам женского. Лишь тогда все увидели обе заложенные в рисунок картинки. И это произвело на них гораздо большее впечатление, чем движущиеся круги или нарисованная «пропасть».

— Мое восхищение вами еще больше усилилось, — заявила Елена Алексеевна, когда первоначальные эмоции после моих объяснений схлынули. — Теперь я хочу свой портрет от вашей руки!

— Боюсь, у меня не будет на это времени, — ответил я. Уж больно подозрительна была ее настойчивость. Искала

меня вчера, пришла сегодня к Строганову, так еще и портрет требует. Может я и дую на воду, но чутье мне говорит, что стоит быть с этой дамой поосторожнее. Или это неудачный опыт с Ариной Михайловой во мне говорит? Кто знает.

— С чего вы это взяли? — тем временем удивилась женщина. — Вы вполне можете прийти ко мне сегодня вечером. Или вас уже куда-то пригласили?

— Я хотел бы отдохнуть в нормальных условиях перед продолжением пути, — дипломатично попытался я увильнуть от ее приглашения.

— Так вы отправитесь в Петербург не раньше, чем послезавтра. Вчера Николай Карлович обмолвился, что у него появились какие-то трудности, чтобы отправиться всем вашим караваном дальше. И ему придется задержаться как минимум на сутки в Москве. Вы же едете вместе с ним, не так ли?

— Мне он о том ничего не говорил, — нахмурился я.

— Роман, — с улыбкой посмотрела на меня Елена Алексеевна. — Мне нет смысла вас обманывать. Можете сами спросить у него или у кого-то из его свиты. И я настаиваю, чтобы вы посетили меня и написали мой портрет.

— Я не рисую бесплатно, — сделал я последнюю попытку увильнуть от такой настаивающей настойчивости.

— Я это понимаю и не собираюсь вас обижать. Ваши спутницы могут прийти с вами, если вы переживаете, что с ними может произойти что-то в ваше отсутствие.

Последнее ее заявление стало решающей точкой в моих

сомнениях. Так-то подзаработать я не против. И понять мотивы такой настойчивости Елены Алексеевны тоже хотелось бы. Может, я зря в чем-то ее подозреваю? Ведь сам хотел завести связи в столице и больших городах, а тут вдруг стал нос воротить. Хватит! Итак вчера глупо поступил. Поэтому я согласился посетить женщину, если Николай Карлович подтвердит свои слова о возможной задержке в городе. На том мы и расстались. Сергей Григорьевич тоже увидел все, что хотел, и пока «переваривал» впечатления об этом. Ну и хорошо. Мне тоже стоит о многом подумать.

Вернувшись к себе в кабинет, Сергей Григорьевич положил перед собой рисунок Романа и задумчиво уставился на него. Это была та самая последняя «иллюзия» с нарисованными одновременно мужчиной и женщиной. Даже сейчас, зная об этом, графу приходилось делать над собой мысленное усилие, чтобы разглядеть оба изображения сразу, а не какое-то одно.

— Удивительно, — покачал он головой. — И как он только к такому пришел?

А еще графа изумляло, что у парня не было учителя, хотя ощущение обучения при взгляде на его действия создавалось иное. И если бы не эти последние рисунки, Строганов до сих пор бы считал, что Роман не самоучка, а получил где-то образование, просто по каким-то причинам не хочет раскрывать правды и готов открыто врать из-за этого.

Чуть подумав, Сергей Григорьевич все же нашел объяснение этой загадке. Скорее всего юноша выписал и прочитал чьи-то труды по рисованию. А благодаря своему таланту сумел разобраться в них даже без наставника. Ну а дальше — обычный творческий поиск, эксперименты — вот и получились эти «иллюзии» у парня. Стоило Сергею Григорьевичу прийти к такому выводу, как на душе у него стало гораздо спокойнее. Всегда получаешь удовлетворение, разгадав какую-то загадку.

— И учить мне его получается нечему, — сделал мужчина следующий вывод. — С другой стороны — почему бы мне не предложить ему возглавить филиал моей школы в своем уезде?

Парень четко ответил, что не хочет связывать свою жизнь с искусством из-за своего статуса наследника рода. Но Сергею Григорьевичу было до глубины души жаль, что такой талант пропадет из-за давления семьи. Однако если дать ему роль преподавателя и куратора филиала школы рисования около его дома, то это совсем иное дело. Тогда и талант юноша свой не загубит, пока его братья подрастают, а там и передать статус наследника сможет. Или даже совмещать — вдруг получится? Страна же не потеряет отличного художника, а школа графа расширится в рамках империи.

Еще раз тщательно обдумав эту идею, Сергей Григорьевич довольно кивнул. С каждой минутой она нравилась ему все больше и больше.

— Пожалуй, так и сделаем. Для начала — определим его там преподавателем. Уверен, экзамены моей школы он сдаст с легкостью. А как станет старше, то и возглавить филиал сможет. И кто знает? Может он все же изменит свое решение и возьмет под свое крыло всю школу?

Сам граф был уже не молод и нуждался в продолжателе начатого дела. Были люди, которым можно было оставить школу, но графу хотелось видеть на этом посту яркую личность. Что он и приметил в юноше. Определившись с планами, мужчина сел за бумаги. Теперь предстояло все оформить надлежащим образом, но для начала — договориться с Романом о новой встрече. И раз уж его отъезд переносится, а Долгоруковой в этом он верил, то можно завтра утром снова позвать Винокурова к себе.

Гостиница «Славянская»

Вернулись мы как раз к открытию ресторана на первом этаже гостиницы, куда и зашли пообедать.

— Мне не нравится идея идти к этой женщине, — про-
бурчала Настя, впервые открыто высказавшись.

— Деньги нам не помешают, — пожал я плечами.

— Ее настойчивость сильно настораживает, — не оста-
лась в стороне от разговора Аня. — С чего такой сильный
интерес?

— Меня это тоже удивило, — согласно кивнул, подцепляя с тарелки кусочек тушеной морковки, — но вдруг мы сами себе что-то надумали дурное?

Пока говорил, прокручивал в голове свое вчерашнее поведение. Почему я отреагировал столь резко? И чем больше я думал, тем сильнее приходил к выводу, что я просто... сам себя накрутил. Заранее. Ведь ожидал провокаций и умом понимал, что уровень интриг или чего-то подобного в Москве и Петербурге априори выше, чем в нашем уезде. А как я действовал в том же Царицыне и Дубовке? В ответ на агрессию бил в ответ. Вот и здесь, когда меня оскорбили, я решил ударить — также словесно. Почему же сделал это сразу по всем гостям, а не только по Вяземскому? Тут тоже все объяснимо. Самые первые подошедшие ко мне знакомиться люди заговорили со мной на французском. И когда поняли, что я его не знаю, может в силу дурного характера, может еще из-за чего стали относиться ко мне презрительно. И я это видел. А потом и последующим гостям передали свое отношение ко мне, настроив их против меня. Почему те им поверили, что я из низкого сословия? А почему бы и нет? Меня они не знают, притом я подходил периодически к своей труппе, среди которых были мужики — их поведение уж точно с благородными манерами не спутаешь. Вот и причислили меня автоматически к мещанам или разночинцам. А вот я из-за волнения от предстоящего выступления и первого неудачного знакомства растерялся и ответил обществу так, как привык

— ударом на удар. Потом-то благодаря Краббе свет узнал о моем высоком происхождении и «причинах» так сказать отсутствия знания французского. Может, кто-то даже испытал неловкость, что изначально предвзято отнесся ко мне. И списать свою собственную ошибку на «чуждачество провинциального юноши» им было гораздо легче, чем признать ее.

«А ведь мог подумать и предвидеть, что здесь будут чаще использовать иностранные языки на приемах», — с досадой корил я себя.

Вот только в нашем уезде на приемы ходили в основном помещики, которые чаще со своими крестьянами общаются, да с дворовыми слугами, чем между собой. Потому и не пользуются французским или иным языком при выходе в свет. На редких «ценителей» вернуть иностранное словечко я внимания не обращал. Это примерно то же самое, как если бы я пришел в прошлом мире на дискотеку и там кто-то из гостей решил пощеголять своим знанием сленга или вычурных словечек. Кроме таких «чужаков» и их друзей никто другой подобной мишурой не занимается. Мда-а... Ну, хоть немного разобрался в себе и своей реакции. Не оскудел умишком, просто растерянность пополам с волнением и изначально неудачного первого знакомства стали началом цепочки событий, приведших к моему конфузу, названному «чуждачеством».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.